

18+

Анниана Текстова

Пробуждение осязания

"Содержание рассказа предназначено для читателей с интересом к фантастике, триллерам, художественным абстракциям и чувственному восприятию. Предназначено для возраста 18+."

2026

Пробуждение | осязания

2026 © Анниана Текстова

Она очнулась на пустой станции. Без памяти, без выхода, без надежды. Только холод металла, только гул машин и чувство, что за ней наблюдают. Что-то движется в темноте. Что-то ждёт. Чтобы выжить, ей придётся вспомнить то, что она забыла. Даже если правда окажется страшнее любого кошмара.

"Пробуждение | осязания" — тактильное погружение в мир, где реальность — всего лишь игра, а игра становится единственной реальностью.

Возрастное ограничение: для лиц старше 18 лет.

Эта книга является художественным вымыслом. Все персонажи, события, названия, организации и диалоги созданы воображением автора. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или мёртвыми, а также с реальными событиями, торговыми марками или брендами являются случайными.

Автор не несёт ответственности за возможные опечатки, неточности или неправильную интерпретацию содержания. Вся информация предоставлена «как есть» без каких-либо гарантий.

В тексте активно используется описание физических и тактильных ощущений (холод, влага, вибрация, прикосновения) исключительно для создания эффекта полного погружения в атмосферу книги и передачи внутреннего состояния героини. Описания тела служат целям тактильного восприятия мира и самоидентификации, а также передаче ощущений выживания и психологического реализма. Иных трактовок не предполагается.

Ответственность за использование материалов, изложенных в книге, а также за любые последствия ознакомления с содержанием данного произведения лежит исключительно на читателе. Автор не несёт ответственности за эмоциональные, психологические или иные реакции, возникшие в процессе или после прочтения.

Данное произведение является результатом творческого осмысления, а не руководством к действию. Автор не призывает к каким-либо поступкам и не стремится задеть чьи-либо чувства. Все идеи и образы рождены воображением и личным опытом автора — любое сходство с реальностью остаётся случайностью.

Все авторские права на настоящее произведение принадлежат Анниане Текстовой. Электронная версия данной книги доступна для свободного распространения. Вы можете делиться, копировать и распространять данный материал бесплатно при условии сохранения целостности текста и указания имени автора. Коммерческое использование запрещено.

Содержание:

Глава 1. Пробуждение

Глава 2. Жилой отсек

Глава 3. Коридор

Глава 4. Объятие зелени

Глава 5. Бег

Глава 6. Убежище

Глава 7. Отражение

Глава 8. Письма

Глава 9. Тьма

Глава 10. Свет

Глава 11. Вязкий плен

Глава 12. Освобождение

Глава 13. Склад

Глава 14. Ангар

Глава 15. Капсула

Глава 16. Решение

Глава 17. Встреча

Глава 18. Поглощение

Глава 19. Всплытие

Глава 20. Возвращение

Глава 1. Пробуждение

Гул проникает сквозь спину, сквозь затылок, сквозь кости. Этот звук вибрирует внутри, будто я сама стала частью этого низкого, монотонного дыхания. Не понять, где кончается гул и начинаюсь я.

Свет пробивается сквозь веки, тяжёлые, липкие. Голубоватый, резкий, бьёт в зрачки. Моргаю. Ещё раз. Комната проясняется.

Потолок. Металлический, с едва заметными швами, тянущимися вдоль всей поверхности. Они плывут перед глазами, не давая сфокусироваться. В голове пустота. Совсем пустота. Будто стёрли всё, оставив только это тело, эту комнату и этот гул.

Пальцы касаются металла. Гладкого, холодного, с микроскопическими неровностями, которые подушечки чувствуют. Рука скользит по поверхности, и каждый миллиметр отдаётся внутри, проходит сквозь кожу, сквозь кости. Холодный. Жёсткий. Настоящий.

Я нахожу опору. Мышцы напрягаются, позвоночник выпрямляется, голова поднимается. Тяжесть в плечах, в пояснице — долго лежала без движения. Ноги свешиваются с края.

Ступни касаются пола. Подушечки пальцев — первые. Встречают гладкий, прохладный металл. Пальцы сжимаются, впитывая эту поверхность, узнавая её. Металл отвечает холодом — поднимается к своду стопы, к мягкому изгибу, прижимающемуся к полу. Холод идёт выше, к пяткам — опускаются на рифлёную поверхность, принимая вес.

Вибрация поднимается от пяток, проходит сквозь кости, сквозь мышцы икры, сквозь колени, добирается до позвоночника. Короткое касание — соединяет меня со станцией, с её ритмом, с её дыханием. Босые ноги на холодном полу. Пальцы шевелятся, касаясь металла, сжимаясь и разжимаясь. Чувствую каждую неровность, каждую линию рифлёной поверхности. Холод обволакивает лодыжки, поднимается к икрам. Остаётся со мной.

Взгляд скользит вниз, по телу, по бёдрам, по коленям — останавливается на ступнях. Длинные пальцы. Аккуратные ногти. Бледная кожа на тёмном металле. Чувствую форму, тепло, живое присутствие. Подушечки скользят по коже. Я есть. Мои ступни. Моё тело. Я жива.

Ступни упираются в пол, принимая вес. Металл отдаёт вибрацию, гул, спокойствие. Босая на холодном полу — в этом прикосновении что-то правильное. Настоящее.

Тонкая ткань комбинезона касается кожи. Прохладная, гладкая, почти невесомая. Комбинезон облегает, повторяет каждый изгиб. Моя грудь

поднимается и опускается — дыхание ровное, спокойное. Ткань скользит под пальцами, и я чувствую тепло собственного тела сквозь неё.

Ладонь касается стены. Металл — холодный, гладкий, вибрирует. Прижимаюсь сильнее — вибрация становится явственнее. Гул, который я слышала, теперь чувствую кожей. Везде. В стенах, в полу, в потолке. Во мне самой.

Я иду к выходу. Ступни касаются пола — холодного, рифлёного, пульсирующего. Каждый шаг — пятка упирается в металл. Звук шагов — мягкое шлёпанье босых ступней — разносится эхом.

Дверь открывается сама — бесшумно, плавно. В коридор хлынул свет. Голубоватый, холодный, резкий. Шаг в него — стены смыкаются за спиной.

Коридор длинный. Бесконечный. Пол рифлёный, холодный. Я иду. Шаг за шагом. Босые ступни шлёпают по металлу — звук разносится эхом. Слышу его. Свои шаги. Своё дыхание. Пульс бьётся в горле, в висках, в кончиках пальцев.

Рука скользит по стене — пальцы ощущают панели, гладкие, с едва заметными стыками. Дрожат под рукой — станция дышит. Плечо прижимается к стене — прохлада сквозь тонкую ткань. Холод проникает сквозь комбинезон, касается кожи. Вздрагиваю. Не отодвигаюсь. Стою так — прижимаюсь к холодному металлу, чувствую его вибрацию, его гул, его одиночество.

Я иду дальше. Коридор петляет, разветвляется. Не знаю, куда иду. Просто иду — чувствую пол под ногами, стены под пальцами, воздух, касающийся лица, рук, босых ног. Воздух прохладный, с лёгким металлическим привкусом. Вдыхаю глубже — он входит в меня, холодный, чужой, но живой.

Спина прислоняется к стене. Глаза закрываются. Гул. Везде. Слышу его, чувствую его — он внутри. Пальцы касаются шеи — пульс бьётся под ними. Живой. Я здесь. Я есть. Я чувствую.

Глаза открываются. Я иду дальше. Впереди — свет. Ярче, чем в коридоре. Иду на него — пол под ногами меняется, становится теплее, мягче. Ступаю на него — как прикосновение к живому.

Большое помещение. Стекло. Огромные панорамные окна. За ними — вода. Тёмная, густая, бесконечная. Я подхожу к стеклу. Ладони прижимаются к нему. Холодное. Гладкое. Чувствую, как стекло вибрирует под пальцами, как вода за ним пульсирует, как станция дышит в такт с океаном.

Я смотрю в воду. Вода смотрит в меня. Где-то там, в глубине — огни. Маленькие, далёкие, похожие на звёзды. Не знаю, что это. Не знаю, где я. Не знаю, как я здесь оказалась.

Но я чувствую. Стекло под пальцами. Холод металла под ногами. Рифлёную поверхность пола — босые ступни упрутся в неё, впитают вибрацию. Гул проходит сквозь меня. Моё тело — тёплое, живое, настоящее.

Глава 2. Жилой отсек

Отхожу от стекла. Ладони ещё помнят его холод, но я уже не смотрю в воду. Вода смотрит в мою спину, пока я иду к другой двери — там, справа, за поворотом. Ступни касаются пола — он здесь другой. Мягче. Чуть влажный. Подошвы ощущают эту влагу, она прохладная, липкая, оставляет следы на коже. Пальцы ног сжимаются, впитывая эту новую текстуру.

Коридор сужается. Стены ближе. Свет — тусклее. Голубоватое свечение мерцает, будто устало, будто станция экономит энергию. Провожу рукой по стене — металл влажный. Капли конденсата оседают на пальцах. Подношу их к лицу. Запах. Металлический, солоноватый. Как в океане. Или это я принесла его с собой от окна?

Иду дальше. Гул станции меняется — становится глубже, ниже. Он отдаётся в груди, в рёбрах, в позвонках. Слышу своё дыхание — оно громче, чем шаги. Сердце бьётся где-то в горле. Не знаю, почему. Просто бьётся. Сильнее, чем нужно. Сильнее, чем я хочу.

Пол под ногами становится мокрым. Ступни шлёпают по лужам — звук разносится по коридору, отражается от стен. Он чужой. Слишком громкий. Я останавливаюсь, прислушиваюсь. Тишина. Только гул. И моё сердце. Смотрю вниз. Вода на полу — тёмная, почти чёрная. Небольшая лужа расплзается трещинами, уходящими в стыки панелей. Опускаю пальцы в воду. Холодная. Чуть маслянистая. Пахнет ржавчиной. И ещё чем-то. Чем-то чужим.

Поднимаю голову — и вижу дверь. Она приоткрыта. Щель — тонкая, но в неё пробивается свет. Не голубоватый, как везде. Жёлтый. Тёплый. Я иду к ней, и сердце бьётся громче — оно колотится о рёбра, отдаётся в висках, в кончиках пальцев. Почему? Не знаю. Но оно бьётся. И я боюсь.

Толкаю дверь. Она открывается с протяжным скрипом — металл трётся о металл, звук режет уши, заставляет вздрогнуть. Вхожу.

Жилой отсек.

Стены — уже не голый металл, а панели с рисунком. Кто-то пытался сделать их уютными. На одной — плакат. Пожелтевший, с выцветшими буквами. Не могу прочитать. Слишком далеко, слишком темно. Пытаюсь разглядеть — и вдруг понимаю. Я не хочу знать, что там написано.

Свет мигает. Раз — и тьма на секунду. Два — и снова жёлтое мерцание. Замираю. Сердце пропускает удар. Воздух становится холоднее. Или это мне кажется? Тишина. Только гул станции, только моё дыхание, только капли воды, падающие где-то с потолка. Кап. Кап. Кап. Каждая капля — как удар по нервам.

Комната в хаосе. Стул опрокинут. На столе — кружка. Остывшая. Подхожу, касаюсь пальцами её края. Керамика. Холодная. На дне — тёмная жидкость. Чай? Или что-то другое. Подношу к лицу — запах ударяет в ноздри. Кисловатый, горький, с металлическим привкусом. Что-то знакомое. Не могу вспомнить — но тело помнит. Пальцы дрожат. Ставлю кружку обратно. Быстро. Слишком быстро.

В углу — койка. Смятая простыня. Подушка с вмятиной. Касаюсь её — ткань прохладная, но под пальцами чувствуется след тепла. Кто-то лежал здесь. Может быть, сегодня. Может быть, час назад. Или минуту. Я отдёргиваю руку.

Свет гаснет. На этот раз дольше. Три секунды. Четыре. Пять. Шесть. Я стою в темноте — слышу только своё дыхание, своё сердце. Оно колотится так громко, что заглушает всё. Кажется, станция слышит его. Кажется, стены сжимаются. Холод поднимается от пола, обволакивает лодыжки, поднимается выше. Пальцы ног впиваются в мокрый металл — я чувствую каждую каплю воды, каждый миллиметр холода.

Свет загорается — и я вижу его. Планшет. На полу, у стены. Экран треснул, но он светится — тускло, едва заметно. Подхожу, наклоняюсь. Пальцы касаются холодного стекла. Трещины — как линии на ладони. Провожу по ним — чувствую каждую неровность. Планшет оживает. Текст. Строки. Не могу прочитать — слишком мелко, слишком быстро. Но вижу цифры. Даты. Имя. Моё имя? Нет. Не знаю. Я не помню своего имени.

Свет гаснет снова. В этот раз — надолго. Стою в темноте, сжимая планшет в руках. Холод от металла проникает в ладони, поднимается по рукам. Слышу — шаги. Где-то там, за стеной. Или в коридоре. Или это гул станции. Или моё сердце. Не могу понять. Шаги. Медленные. Тяжёлые. Они приближаются. Стоп. Тишина. Снова шаги.

Замираю. Босые ступни приросли к мокрому полу. Пальцы сжимаются, впиваясь в холодный металл. Планшет — в руке. Дыхание — частое, рваное. Воздух холодный, влажный, он входит в лёгкие — и я чувствую, как он пробирается внутрь, как заполняет меня.

Шаги стихают. Или мне показалось. Свет загорается — и я одна. Снова одна.

Но планшет — в моей руке. И он не даст мне забыть.

Не даст мне забыть страх.

Глава 3. Коридор

Планишет в руке. Холодный, с трещинами, которые пальцы ощущают как линии на коже. Трещины — глубокие, расходятся от края к центру, и подушечки скользят по ним, чувствуя каждый миллиметр повреждённого стекла. Сжимаю его крепче — край врежется в ладонь, оставляя красный след на коже. Боль. Настоящая. Она помогает дышать.

Подхожу к двери. Медленно. Ступни скользят по мокрому полу — вода холодная, маслянистая, обволакивает подошвы. Каждый шаг — как прикосновение к чему-то чуждому. Прижимаюсь спиной к стене — металл холодный, влажный, капли конденсата оседают на тонкой ткани комбинезона, проникают сквозь неё, касаются кожи. Вздрагиваю.

Выглядываю в коридор.

Пусто. Только свет — голубоватый, тусклый, мерцающий. Он дрожит, будто устал, будто станция экономит последние силы. Только лужи на полу — тёмные, маслянистые, отражают свет неровными, расплывчатыми пятнами. Только гул станции — низкий, ровный, успокаивающий. Пахнет влажным металлом, ржавчиной и ещё чем-то неуловимым.

Делаю шаг. Второй. Ступни касаются холодного металла — он влажный, скользкий. Пальцы ног сжимаются, ища опору, впиваясь в рифлёную поверхность. Чувствую каждую каплю воды между пальцами, каждое движение мышц, когда ступня отрывается от пола и снова касается его. Иду медленно. Почему-то кажется, что тишина — это защита. Если не дышать, ничего не случится.

Свет гаснет.

Резко. Мгновенно. Как будто кто-то выдернул реальность из розетки. Тьма — густая, тяжёлая, она давит на глаза, на виски, на грудь. Замираю. Сердце пропускает удар, а потом бьётся чаще — где-то в горле, в ушах, в кончиках пальцев. Холод поднимается от пола, обволакивает лодыжки, поднимается выше, к коленям. В темноте кажется, что стены сдвинулись. Стало тесно.

Свет загорается.

В конце коридора — она.

Человеческий силуэт. Там, где секунду назад было пусто. Стоит неподвижно, и от этого неподвижность — страшнее движения. Я не успеваю разглядеть лица, одежды, деталей. Только тень. Только то, что она есть. И то, что её не должно быть.

Свет гаснет.

Бегу. Не знаю, почему. Просто тело срывается с места, и я бегу. Ступни шлёпают по мокрому полу — звук разносится эхом, отражается от стен, возвращается ко мне. Пальцы ног впиваются в металл, скользят по лужам. Вода разлетается брызгами, попадает на лодыжки, на икры. Холодная. Липкая. Планшет в руке — врежется в ладонь, и я чувствую, как кровь пульсирует под кожей.

Свет загорается.

Не оборачиваюсь. Бегу. Коридор петляет, разветвляется. Поворот, ещё поворот. Не знаю, куда бегу. Просто бегу. Ступни касаются холодного металла, мокрого, скользкого. Рука касается стены — металл влажный, капли конденсата остаются на пальцах. Пахнет ржавчиной. Пахнет страхом.

Слышу шаги за спиной. Тяжёлые. Медленные. Они не торопятся. Им не нужно торопиться. Каждый шаг — как удар по металлу, как отголосок во мне. Отдаётся в груди, в рёбрах, в позвонках.

Свет гаснет. Бегу в темноте. Руки нащупывают стены, пальцы скользят по влажному металлу. Спотыкаюсь — нога соскальзывает с лужи. Падаю. Колени врезаются в пол — боль вспыхивает, острая, обжигающая, поднимается выше, к бёдрам, к спине. Ступни скользят по мокрому металлу — пальцы ног впиваются, пытаюсь найти опору. Вода холодная, маслянистая, она покрывает кожу, проникает между пальцев. Встаю. Бегу дальше.

Свет загорается. Я уже не оглядываюсь. Просто бегу. Слышу шаги — они ближе. Громче. Тяжелее. Сердце колотится о рёбра, пытается вырваться. Холодный воздух обжигает лёгкие.

Свет гаснет. Дверь — справа. Толкаю её плечом — она поддаётся. Влетаю внутрь. Свет гаснет — я в темноте. За спиной — шаги. Они останавливаются у двери.

Тишина.

Стою, прижимаясь спиной к стене. Планшет в руке. Дыхание — рваное, частое. Сердце колотится так громко, что кажется — его слышно в коридоре. Ступни касаются пола — он другой. Мягкий. Влажный. Тёплый. Пахнет землёй. Пахнет жизнью.

Свет загорается.

Гидропоника. Огромное помещение. Стекланные стены — но их почти не видно за растениями. Лианы обвивают трубы, опоры, стены. Зелень пробивается сквозь панели, свисает с потолка, поднимается от пола. Всё покрыто живым ковром — мхом, листьями, цветами. Цветы — крупные, белые, с жёлтыми сердцевинами. Они раскрыты. Они смотрят на меня.

Воздух — тёплый, влажный, густой. Вдыхаю — и чувствую запах земли, влаги, зелени, цветов. После холодного металла и ржавчины — это как удар. Как прикосновение к чему-то живому. К чему-то, что дышит.

Ступни утопают в чём-то мягком. Опускаю взгляд — почва. Тонкий слой земли, смешанный с водой, покрывает пол. Пальцы ног касаются её — тёплая, рыхлая, влажная. Сжимаются — чувствую каждую частицу, каждую травинку, каждый маленький корешок. Пахнет мокрой землёй, и этот запах наполняет лёгкие, проникает внутрь.

Иду внутрь. Руки касаются листьев — они влажные, прохладные, живые. Провожу пальцами по поверхности — чувствую каждую жилку, каждую неровность. Листья скользят под пальцами, оставляя на коже капли воды. Запах — густой, сладкий, землистый. Где-то капает вода — кап. Кап. Кап. Капли падают с потолка, с листьев, с труб.

Прижимаюсь спиной к стене. Она покрыта мхом — мягким, тёплым, влажным. Чувствую его сквозь ткань комбинезона — он пружинит под тяжестью тела, впитывает влагу. Закрываю глаза на мгновение. Слышу только своё дыхание — оно медленно успокаивается. И капли воды. Кап. Кап. Кап.

Смотрю на планшет. Экран светится. Текст. Цифры. Имя — моё? Не знаю. Не могу прочитать. Глаза не фокусируются — они всё ещё ищут ту тень в коридоре.

Стою в гидропонике, среди зелени. Ступни в земле. Пальцы сжимаются, чувствуя тепло. Руки касаются мха, листьев, влаги. Планшет в руке. Холодный, треснутый, но светится.

И я понимаю: я не одна. Я никогда не была одна. Эта станция — не пустая. И та тень в коридоре — не последняя, кого я увижу. Но сейчас, здесь, среди зелени и тепла, я могу дышать. Хотя бы на мгновение. Хотя бы пока свет не погаснет снова.

Глава 4. Объятие зелени

Иду через гидропонику. Медленно. Каждый шаг — осторожный, вязкий. Ступни утопают в чём-то мягком, влажном. Земля. Трава. Мох. Пальцы ног касаются чего-то живого, тёплого, дышащего. После холодного металла коридоров — это почти ласка. Почти утешение.

Но сердце всё ещё колотится. Оно бьётся где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Мышцы ноют — от бега, от падения, от напряжения. Колени саднят — там, где я ударилась о мокрый металл. Чувствую каждое движение, каждый шаг отдаётся в них тупой, пульсирующей болью. Вдыхаю воздух — тёплый, влажный, густой от запаха зелени и земли. Он заполняет лёгкие, но страх всё ещё там. Глубоко внутри.

Растения касаются меня. Листья — влажные, прохладные, скользят по плечам, по рукам, по лицу. Провожу рукой — и пальцы утопают в мягкой зелени. Чувствую каждую жилку, каждую неровность. Где-то капает вода — кап. Кап. Кап. Капли падают на голову, на плечи, оставляя мокрые следы на комбинезоне.

Иду дальше. Заросли становятся гуще. Лианы свисают с потолка, касаются спины, плеч. Они мягкие, скользкие, влажные. Ощущаю их прикосновения сквозь тонкую ткань комбинезона — прохладные, будто пальцы. Вздрагиваю. Не от страха — от неожиданности. От того, как это ощущается.

Пол под ногами меняется. Сначала земля — тёплая, рыхлая, влажная. Пальцы ног сжимаются, чувствуя каждую частицу, каждый маленький корешок. Потом что-то мягкое — мох, покрывающий металл плотным, упругим слоем. И снова земля. И холодный металл, пробивающийся сквозь зелень.

Заросли смыкаются надо мной. Листья касаются лица, губ, век. Они мягкие, прохладные, почти невесомые. Закрываю глаза на мгновение — и чувствую себя в лесу. В лесу под водой. Тёплой, влажной, живой.

И вдруг — рывок.

Что-то обвивает мою левую ногу. Резко, сильно. Ткань комбинезона натягивается, врезается в кожу. Я не успеваю вскрикнуть — только выдох, выбитый из груди. Меня дёргают назад. Ступни скользят по мокрой земле, пальцы ног впиваются в мох, в грязь — и не находят опоры.

Падаю. Спина ударяется о землю — мягко, но больно. Влажная почва впитывается в ткань комбинезона, холодная, липкая. Что-то обвивает ногу сильнее. Тянет. Скользит выше — к колену, к бедру. Чувствую это сквозь ткань. Что-то гладкое, влажное, живое. Оно сжимается, и я чувствую, как мышцы напрягаются под давлением.

Дёргаюсь. Пытаюсь вырваться. Пальцы рук впиваются в землю, в грязь, в корни. Чувствую, как грязь забивается под ногти, как холодная влага проникает между пальцев. Вырываюсь — и комбинезон рвётся. Ткань трещит, и я чувствую, как что-то холодное, влажное касается голой кожи. Бедро. Там, где комбинезон разорвался. Чувствую каждое прикосновение — гладкое, скользкое, живое.

Вырываюсь снова. Пальцы ног упираются во что-то твёрдое — металл, пробивающийся сквозь землю. Толкаюсь. Меня отпускает — резко, неожиданно. Откатываюсь в сторону, в заросли. Лианы обвивают руки, лицо, плечи. Тянутся ко мне. Но я не знаю — они ли это, или то, другое.

Лежу на спине, тяжело дыша. Сердце колотится — оно бьётся о рёбра, о грудь, о горло. Слышу его. Слышу своё дыхание. Слышу, как где-то капает вода. Кап. Кап. Кап.

Чувствую холод на бедре — там, где комбинезон порван. Кожа открыта, влажная, грязная. Провожу рукой — пальцы касаются мокрой, липкой земли. Поднимаю руку — на ней грязь. И что-то ещё. Слизь. Прозрачная, тягучая. Оставляет след на пальцах. Чувствую её — гладкую, скользкую, холодную.

Сажусь. Оглядываюсь. Вокруг — зелень. Только зелень. Лианы, листья, мох. Ничего. Никого. Только влажный воздух, только запах земли и гнили, только моё дыхание, только сердце, которое никак не успокоится.

Смотрю на ногу. Комбинезон порван от колена до середины бедра. Ткань висит лохмотьями. Кожа мокрая, грязная. На ней — красные следы. Там, где сжималось то, что схватило меня. Провожу пальцами по следам — они слегка припухшие, тёплые. Чувствую боль — тупую, ноющую.

Смотрю вокруг. Растения. Они тянутся ко мне. Лианы, листья, цветы. Они просто растут. Но я больше не доверяю им. Я не доверяю ничему здесь.

Встаю. Ступни касаются земли — тёплой, влажной, мягкой. Пальцы сжимаются, чувствуя каждую частицу. Но теперь — я осторожна. Каждый шаг — медленный, вязкий. Я смотрю под ноги. На землю. На мох. На корни. Я ищу то, что схватило меня.

Я двигаюсь дальше. Через гидропонику. К другой двери. Потому что здесь оставаться нельзя. Потому что-то, что схватило меня — оно всё ещё здесь. Оно ждёт. И я должна уйти, пока оно не решило, что я — его добыча.

Глава 5. Бег

Я бегу. Снова. Ступни шлёпают по холодному металлу — грязные, мокрые, в земле и слизи. Пальцы ног впиваются в рифлёную поверхность, скользят, ищут опору. Комбинезон рваный, висит лохмотьями на бедре — там, где кожа открыта, холодный воздух касается её, и я чувствую каждое дуновение. Каждый миллиметр незащищённой кожи.

Грязь на руках. Под ногтями. На лице. Не знаю, когда я вытерла лицо — или не вытирала. Чувствую её на щеках, на губах. Солёная. От слёз. Я плачу. Не знаю когда начала. Просто слёзы текут по щекам, смешиваются с грязью, оставляют мокрые дорожки.

Коридор петляет. Свет — тот же голубоватый, холодный, мерцающий. Я бегу, и он мелькает, мелькает, мелькает. Стены смыкаются, расширяются, снова смыкаются. Не знаю, куда бегу. Просто бегу. Потому что если остановлюсь — не смогу больше. Не смогу встать. Не смогу дышать.

Мышцы горят. Каждое движение — боль. Ноги дрожат, колени подкашиваются, но я бегу. Босые ступни — они уже не чувствуют холода. Только влагу. Только грязь. Только то, как пальцы сжимаются, когда я отрываюсь от пола и снова касаюсь его.

Дверь.

Она возникает передо мной — внезапно, из ниоткуда. Металлическая, серая, с панелью управления. Я врезаюсь в неё плечом — боль пронзает руку, отдаётся в груди. Рука дрожит, когда я касаюсь панели. Пальцы — в грязи, в слизи, они скользят по гладкой поверхности. Не могу нажать. Не могу.

Слышу шаги. За спиной. Тяжёлые. Медленные. Они приближаются. Или мне кажется. Не знаю. Я уже ничего не знаю.

Рука бьёт по панели. Ещё раз. Ещё. Ногти впиваются в поверхность, царапают её. Холодный металл под пальцами, и я чувствую, как дрожат руки, как они не слушаются. Пульс бьётся в висках, в горле, в кончиках пальцев — я слышу его, слышу своё дыхание, слышу шаги за спиной.

Дверь не открывается. Я бью по панели кулаком — боль вспыхивает в костяшках, поднимается по руке. Ещё раз. И ещё.

Дверь открывается.

Медленно. Словно вечность. Каждая секунда — как удар по сердцу. Я чувствую, как воздух выходит из лёгких, как глаза расширяются, как тело готовится рвануть вперёд. Дверь скользит в сторону — плавно, бесшумно, но для меня это вечность. Целая жизнь.

Вваливаюсь внутрь. Падаю на колени. Пол — тёплый, гладкий, без рифления. Чувствую его ладонями, пальцами, ногами. Ступни касаются — и я слышу, как грязь на них оставляет мокрые следы. Свет — тёплый, жёлтый. Не голубоватый, не холодный, не мерцающий. Тёплый.

Оглядываюсь. Каюта. Небольшая. Койка у стены. Стол. Стул. Светильник на потолке — круглый, жёлтый, дающий мягкое свечение. На столе — пустая бутылка. На стене — ничего. Чисто. Пусто. Нежилое. Но тепло. Свет. Убежище.

Дверь закрывается за мной — бесшумно, мягко. Слышу щелчок. Механический. Я знаю — она заперлась сама. Кто-то нажал с той стороны. Или это просто автоматика. Не знаю. Сейчас неважно.

Поднимаюсь на ноги. Ступни скользят по гладкому полу — грязные, мокрые. Пальцы ног сжимаются, и я чувствую, как грязь между ними. Холодная. Липкая. Мокрая.

Подхожу к панели у двери. Пальцы касаются её — гладкая, прохладная. Вожу по поверхности — и она загорается тусклым жёлтым светом. На экране — строки. Незнакомые символы. Кнопки. Не знаю, что они значат. Но я вижу одну — с надписью "Блокировка". Или что-то похожее. Не уверена. Но это единственное, что я могу сделать.

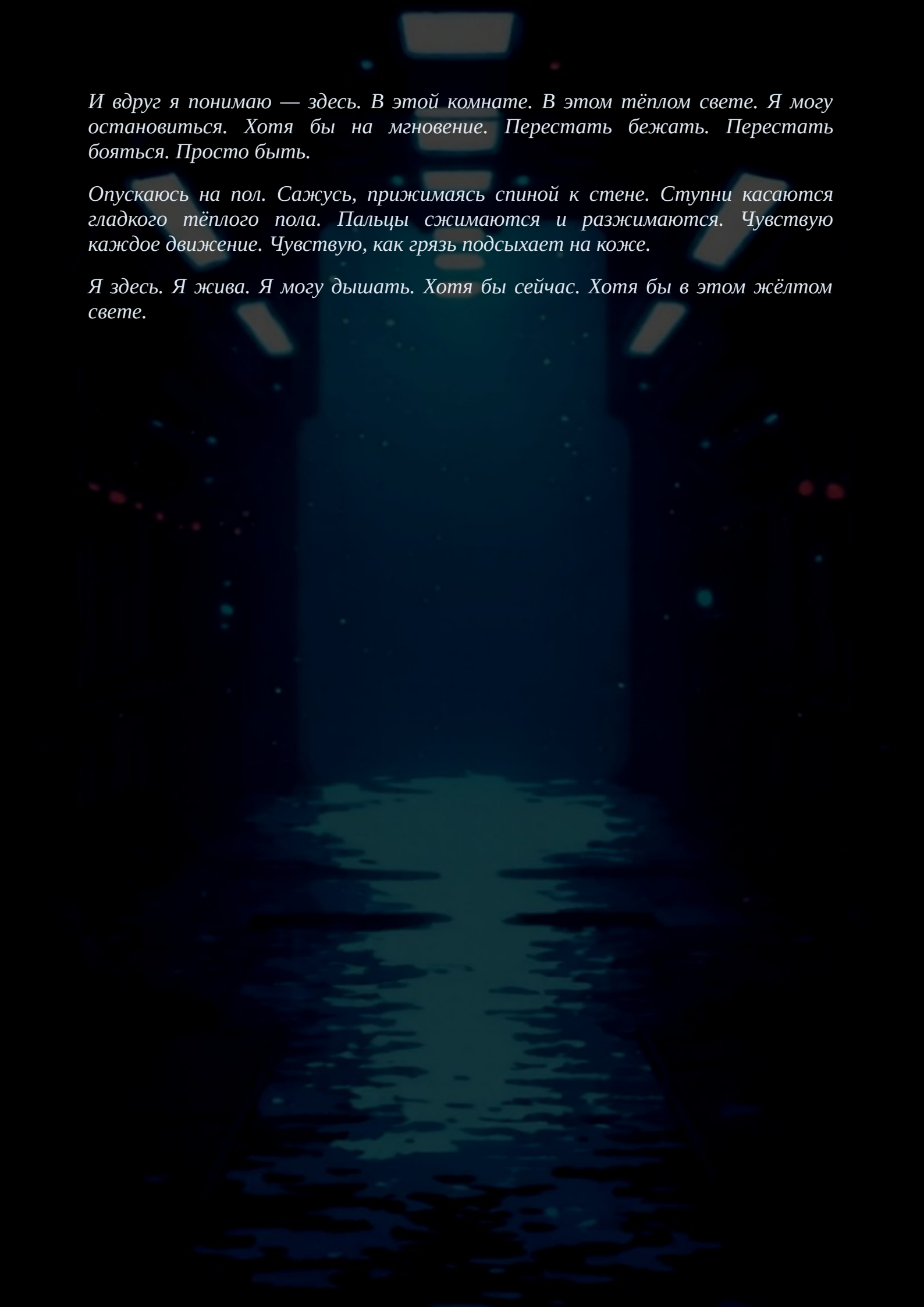
Касаюсь её. Пальцы оставляют грязный след на панели. Слышу звук — низкий, гудящий. Что-то щёлкает за дверью. Механизмы. Засовы. Блоки. Я слышу, как они встают на место. Один. Второй. Третий. Дверь теперь заперта. Надёжно. Я не знаю, как её открыть. Но это неважно. Важно, что теперь никто не войдёт.

Отхожу назад. Спина касается стены. Холодная. Металлическая. Но здесь, в этом тёплом свете, она не такая страшная. Вдыхаю. Выдыхаю. Слёзы всё ещё текут по щекам. Грязь, слизь, соль. Я вытираю лицо рукой — грязной, мокрой — и чувствую, как ткань комбинезона касается кожи. Там, где она цела.

Смотрю на себя. Руки — в грязи. Ногти — в земле. Комбинезон рваный на бедре, на плече, на животе. Кожа голая — вижу её сквозь разрывы. Мокрая. В красных следах. Там, где то, что схватило меня, сжималось сильнее.

Прижимаюсь лбом к стене. Холодная. Гладкая. Чувствую её касание — оно успокаивает. Или просто я так устала, что уже ничего не чувствую, кроме холода и тепла.

Стою так. Дыхание постепенно выравнивается. Сердце всё ещё бьётся — но уже не так дико, не так бешено. Слышу его. Слышу гул станции. Слышу тишину за дверью.

The background is a dark, moody scene. A central vertical beam of light, possibly from a doorway or a screen, illuminates the space. The light is a pale, hazy blue-grey. Scattered throughout the dark space are numerous small, out-of-focus particles in shades of blue, green, and red, giving the impression of dust or digital data points. The overall tone is mysterious and contemplative.

И вдруг я понимаю — здесь. В этой комнате. В этом тёплом свете. Я могу остановиться. Хотя бы на мгновение. Перестать бежать. Перестать бояться. Просто быть.

Опускаюсь на пол. Сажусь, прижимаясь спиной к стене. Ступни касаются гладкого тёплого пола. Пальцы сжимаются и разжимаются. Чувствую каждое движение. Чувствую, как грязь подсыхает на коже.

Я здесь. Я жива. Я могу дышать. Хотя бы сейчас. Хотя бы в этом жёлтом свете.

Глава 6. Убежище

Стою у стены. Спина касается холодного металла, но я уже не вздрагиваю. Руки висят вдоль тела — грязные, в ссадинах, с обломанными ногтями. Смотрю на них, и они кажутся чужими. Чьи-то руки. Чьё-то тело. Чьи-то босые ступни, испачканные в земле и слизи, стоят на тёплом гладком полу.

Комбинезон висит лохмотьями. Рваный. Холодный воздух касается кожи там, где ткань разорвана — на бедре, на плече, на животе. Чувствую каждое дуновение. Каждое прикосновение воздуха к голой коже. Мокрая, грязная. Следы от того, что сжимало меня — красные, припухшие, болят, когда я касаюсь их пальцами.

Осматриваю комнату. Свет тёплый, жёлтый, льётся сверху. Опускаю взгляд. И замечаю — дверь. В противоположной стене. Полупрозрачная, матовая, почти незаметная в этом мягком свете. Встроена в стену. Маленькая, узкая.

Подхожу. Ступни касаются гладкого пола. Они оставляют грязные следы. Каждый шаг — влажный, липкий. Пальцы ног сжимаются, чувствуя тепло, идущее от пола. Толкаю дверь — она открывается бесшумно, плавно.

Душевая.

Маленькая кабинка, встроенная в стену. Стекланные стенки — матовые, полупрозрачные. На стене — панель управления. Сенсорная. Чистая. Свет — мягкий, голубоватый, льётся сверху. На полу — решётка. Металлическая, с мелкими отверстиями. Чувствую под пальцами ног её текстуру — холодная, рифлёная, шершавая.

Касаюсь пальцами разорванного комбинезона. Ткань скользит по коже, когда я тяну её вниз. Мокрая, грязная, липнет к телу. Стягиваю с плеч — медленно, осторожно. Ткань трещит там, где держится на коже. Отрываю её — и чувствую, как холодный воздух касается плеч, груди, живота. Кожа открыта, влажная, грязная.

Руки находят застёжку на спине. Пальцы дрожат, когда я расстёгиваю её. Комбинезон падает вниз, собирается у ног. Перешагиваю через него. Ступни касаются решётки. Холодная. Рифлёная. Чувствую каждую линию, каждое отверстие под пальцами ног.

Холодный воздух касается кожи везде. Влага на коже остывает, покрывая её мурашками. Холодно. Или это не холод. Это страх. Он всё ещё здесь. Глубоко внутри.

Касаюсь панели управления. Пальцы оставляют грязный след на гладкой поверхности. Она загорается — мягким голубоватым светом. Не знаю, что нажимать. Просто касаюсь. Один раз. Второй. Третий.

Вода идёт сверху. Тёплая. Сначала просто влага, туман, оседающий на коже. Чувствую, как мелкие капли касаются лица, плеч, груди. Они тёплые, мягкие, почти невесомые. Потом — струи. Тонкие, множественные, обволакивающие тело со всех сторон. Чувствую их на спине, на руках, на ногах. Они стекают по коже, смывают грязь, слизь, кровь. Тёплые, живые, текут по телу, оставляя дорожки чистоты.

Вода касается лица. Закрываю глаза. Струи бьют по щекам, по вискам, по лбу. Они тёплые, мягкие. Вода стекает по волосам, по шее, по ключицам. Чувствую каждую каплю. Как она касается кожи. Как скользит по ней. Как уносит с собой грязь, слизь, остатки страха.

И вдруг — выдыхаю. Долго. Глубоко. Тот комок, что был сжат внутри, в груди, в горле, в животе — он начинает таять. Вода смывает его. Растворяет. Уносит вниз, по стенам, по решётке, в неизвестность.

Слёзы идут сами. Я не замечаю, когда начинаю плакать. Просто чувствую, как солёная влага смешивается с тёплой водой на лице. Слёзы текут по щекам, по губам, по подбородку. Их не остановить. И я не хочу останавливать.

Вода стекает по телу. По груди, по животу, по бёдрам. Чувствую каждую струю. Как она касается грязной кожи, оставляя чистоту. Как смывает следы от того, что сжимало меня. Как вымывает страх из каждой клетки. Как отпускает.

Прижимаюсь лбом к стеклянной стенке. Холодная. Гладкая. Чувствую её лбом, щекой, ладонями, которые упираются в неё. Холод контрастирует с тёплой водой, стекающей по спине. Стою так. Плачу. Тихо, беззвучно. Только дыхание — рваное, прерывистое, вырывающееся вместе с водой и слезами.

Руки скользят по телу. Пальцы касаются кожи — чистой, влажной, тёплой. Чувствую каждую линию, каждый изгиб. Моё тело. Моё. Грязное, раненое, дрожащее. Но моё. И оно дышит. Оно живёт.

Вода стекает по ногам, по икрам, по лодыжкам. Касается ступней. Чувствую её на подошвах, между пальцев, на пятках. Она тёплая, мягкая, смывает землю, слизь, страх. Пальцы ног сжимаются, чувствуя, как вода обтекает их, как стекает по решётке вниз.

Открываю глаза. Смотрю на свои руки — чистые. Кожа розовая, распаренная. На пальцах — ссадины, царапины, но грязи больше нет. Смотрю на ноги — такие же чистые. Ступни — белые, чуть красные от горячей воды. Пальцы шевелятся, касаясь мокрой решётки.

Вода постепенно остывает. Или я просто привыкаю к её теплу. Но она всё ещё идёт, обволакивает тело, держит в своём объятии. Не хочу выходить. Не хочу возвращаться в холод, в страх, в эту пустую станцию.

Но вода замедляется. Струи редуют, становятся слабее. Сейчас — просто капли. Кап. Кап. Кап. Они падают на плечи, на спину, на голову. Последние прикосновения тепла.

Выключаю воду. Пальцы касаются панели — и она гаснет. Тишина. Только капли воды, падающие с тела.

Стою в душевой, мокрая, чистая. Ступни касаются холодной решётки — она уже не такая шершавая, привыкла. Пальцы ног сжимаются, чувствуя каждое отверстие. Руки обхватывают плечи. Кожа влажная, прохладная. Дрожу. Но это не холод. Это облегчение.

Теперь я готова смотреть в лицо этому миру. Чистая. Готовая. Хотя бы на мгновение.

Глава 7. Отражение

Выхожу из душевой. Ступни касаются гладкого тёплого пола — влажные, чистые, чуть розовые от горячей воды. Пальцы ног сжимаются, чувствуя каждое прикосновение поверхности. Вода стекает по ногам, по икрам, по лодыжкам, оставляя мокрые следы на полу. Капли падают с волос, с плеч, с кончиков пальцев рук. Кап. Кап. Кап. В тишине каюты каждый звук — как удар.

Поднимаю взгляд и замираю.

Зеркало. В пол. Огромное, во всю стену. Свет — тёплый, жёлтый — отражается в нём, делает поверхность мягкой, почти живой. Я не видела себя с того момента, как очнулась. Не знала, как выгляжу. Не хотела знать.

Подхожу ближе. Ступни касаются пола, оставляя влажные следы. Останавливаюсь перед зеркалом. Смотрю на себя.

Девушка. Брюнетка. Волосы длинные, мокрые, тяжёлыми прядями падают на плечи, на грудь, на спину. Они тёмные, почти чёрные, блестят от воды. Капли стекают с кончиков, падают на ключицы, на грудь. Чувствую их. Холодные. Скользят по коже.

Лицо — бледное, глаза — тёмные, с красными веками. Следы слёз ещё видны — дорожки на щеках, припухлость вокруг глаз. Губы чуть приоткрыты, дыхание ровное. Смотрю в свои глаза. В них страх. Он всё ещё там. Но теперь — тише. Он ждёт.

Тело. Живое. Грудь поднимается и опускается с каждым вдохом. Талия — мягкая, бёдра — округлые, широкие. Кожа влажная, чистая, чуть розовая от горячей воды. На ней — следы. Красные, припухшие полосы на бедре, на боку, на плече. Там, где то, что схватило меня, сжимало сильнее. Пальцы касаются их — чувствую лёгкую боль. Тёплую, пульсирующую.

Руки висят вдоль тела. Пальцы — длинные, с аккуратными ногтями. Один ноготь сломан — до крови. Чувствую тупую боль при каждом движении. Ступни — на полу, чистые, влажные. Пальцы ног чуть шевелятся, касаясь тёплой поверхности. Кожа на ногах розовая, с мелкими царапинами. Не помню, где я их оставила.

Стою перед зеркалом. Смотрю на себя. Чужое лицо. Чужое тело. Но моё. Я здесь. Я в нём. Я — это оно.

Отворачиваюсь. Иду к стене. Встроенный шкаф — почти незаметный, сливается с поверхностью. Матовый, белый. Сенсорная панель — на уровне руки. Касаюсь её пальцами. Она загорается — мягким сиянием. Строки. Символы. Иконки.

Не знаю, что нажимать. Просто касаюсь. Один раз. Второй.

Шкаф открывается. Тихо, плавно. Внутри — ряды. Бельё. Комбинезоны. Чистые, светлые, сложенные аккуратно. Ткань — мягкая, тонкая, почти невесомая. Касаюсь пальцами — чувствую её текстуру. Гладкая, прохладная, как вода. Скользит под пальцами.

Достаю один. Белый. Почти неосязаемый на вид, но на ощупь — плотный, упругий. Разворачиваю. Смотрю на него. Весь в тонких линиях. Без рукавов, без штанин. Просто цельный кусок ткани, который должен обнять тело.

Надеваю. Медленно. Сначала — ноги. Ткань скользит по коже, влажной после душа. Она тёплая, мягкая, касается бёдер, талии, живота, груди. Чувствую, как она облегает тело, повторяет каждую линию, каждый изгиб. Ткань приятно холодит кожу, впитывает оставшуюся влагу. Там, где следы от того, что сжимало меня — чувствую лёгкое прикосновение, почти невесомое. Как заботливая рука.

Ступни — голые. Ладони — голые. Комбинезон заканчивается у запястий и у лодыжек. Кожа свободна, чувствует воздух. Провожу пальцами по ткани на бедре — она скользит. Мягкая, невесомая. Вторая кожа. Моя.

Подхожу к столу. Он встроен в стену. Небольшой, белый. Рядом — койка. Сложенная, встроенная в стену. Я не знала, что она там. Но сейчас — вижу. Она ждёт.

Сажусь за стол. Ступни касаются пола — чистого, тёплого. Пальцы ног сжимаются, чувствуя поверхность. Руки — на столе. Гладкий, прохладный материал. Сенсорный экран встроен в поверхность. Я касаюсь его пальцами. Он загорается.

Строки. Текст. Данные. Что-то о станции. О гидропонике. О системах. Но я не вижу. Глаза не фокусируются. Они всё ещё ищут фигуру в коридоре. Шаги за спиной. То, что схватило меня.

Касаюсь экрана снова. Страница перелистывается. Читаю. О системе жизнеобеспечения. Об аварийных протоколах. О дате.

Дата. Год. Я смотрю на цифры и не понимаю. Они не имеют смысла. Они просто есть. Но в голове — тишина. Только вопрос, который пульсирует в висках, в груди, в кончиках пальцев.

Что здесь произошло? Кто я? И почему я одна?

Глава 8. Письма

Сажу за столом. Пальцы всё ещё касаются прохладной поверхности сенсорного экрана. Свет от него мягкий, голубоватый, ложится на руки, на лицо, на стол. Чувствую каждое прикосновение — гладкое стекло под подушечками пальцев, лёгкую вибрацию, когда экран реагирует на касание.

Читаю.

Строки складываются в слова. Слова — в предложения. Медленно. Глаза не сразу фокусируются. Но я заставляю себя. Я должна понять.

Исследовательский комплекс "Глубина-7". Подводная станция. Три уровня. Лаборатории. Жилые модули. Гидропоника. Системы жизнеобеспечения. Список персонала — сорок семь человек. Научный состав, технический персонал, обслуживающий персонал. Даты.

Читаю дальше.

Последняя запись в журнале — три месяца назад. "Обнаружена аномалия в системах очистки воды. Проводится диагностика. Всем сотрудникам рекомендовано соблюдать меры предосторожности." Дальше — пустота. Никаких записей. Только системные логи, только автоматические отчёты о работе станции.

Касаюсь экрана. Открываю почтовый ящик.

Письма. Много. Все — с одной датой. Два месяца назад. Открываю первое.

"Всем сотрудникам комплекса 'Глубина-7'. В связи с выявленными нарушениями в системах жизнеобеспечения принято решение о срочной эвакуации персонала. Эвакуация начнётся через 24 часа. Повторяю: через 24 часа. Всем подготовиться к выходу."

Следующее. Через два часа.

"Эвакуация перенесена на неопределённый срок. Ожидайте дальнейших указаний. Сохраняйте спокойствие. Системы жизнеобеспечения работают в штатном режиме."

Ещё через час.

"Внимание. Часть персонала покинула станцию на спасательных модулях. Оставшимся рекомендовано укрыться в жилых отсеках. Двери герметичны. Не покидать убежищ до особого распоряжения."

Последнее письмо.

"Комплекс 'Глубина-7' переходит на автономный режим. Системы жизнеобеспечения поддерживаются автоматически. Всем, кто остался на станции: держитесь. Связь с поверхностью потеряна. Мы не знаем, когда она восстановится. Берегите себя."

И ничего. Тишина. Два месяца тишины.

Смотрю на экран. Пальцы дрожат. Чувствую, как холод поднимается от стола, от стула, от пола — входит в меня. Это не физический холод. Это что-то другое. Это осознание.

Я здесь одна. Сорок семь человек были здесь. А теперь — никого. Только я. И то, что бродит по коридорам. И то, что схватило меня в гидропонике.

Касаюсь экрана снова. Пытаюсь найти что-то ещё. Документы. Отчёты. Файлы. Но там — только пустота. Или я просто не знаю, что искать. Не знаю, как.

Глаза начинают щипать от напряжения. Тру лицо руками. Провожу пальцами по щекам, по лбу, по глазам. Кожа тёплая, влажная — опять слёзы. Но я не плачу. Просто они текут. Сами.

Стук в дверь.

Замираю. Всё тело — камень. Пальцы застывают на лице. Дыхание останавливается. Сердце — оно бьётся где-то в горле, в ушах, в висках. Слышу его. Слышу гул станции. Слышу тишину.

Стук повторяется. Три удара. Ровные. Медленные. Не как у человека. Слишком ровные. Слишком одинаковые.

Я не двигаюсь. Сажусь за столом, смотрю на дверь. Она заперта. Я заблокировала её через панель. Надёжно. Механизмы, засовы, блоки. Но стук — он внутри меня. Он вибрирует в груди, в ребрах, в позвоночнике.

Тишина.

Смотрю на дверь. Она не двигается. Но я знаю — за ней кто-то есть. Или что-то. Оно ждёт. Оно знает, что я здесь.

Экран передо мной всё ещё горит. Письма. Текст. Даты. Сорок семь человек. Эвакуация. Аномалия.

Поднимаюсь. Медленно. Ступни касаются пола — тёплого, гладкого. Пальцы ног сжимаются. Делаю шаг к двери. Другой. Останавливаюсь в метре от неё.

Прислушиваюсь. Ничего. Только тишина. Только гул станции. Только сердце, бьющееся где-то в горле.

Приближаюсь ещё на шаг. Касаюсь пальцами холодной поверхности двери. Металл. Гладкий, чуть влажный. Чувствую вибрацию за ним — слабую, едва уловимую. Может быть, станция. Может быть, это моё сердце отдаётся в металл. Не знаю.

Дверь не открывается. Я сама заблокировала её. Но стук — он был. Я слышала его. Я чувствую его до сих пор.

Отхожу назад. Сажусь на пол. Спина касается стены. Холодная, гладкая. Чувствую её сквозь ткань комбинезона. Смотрю на дверь. Она неподвижна. Свет — жёлтый, тёплый.

Но я знаю — за ней ждут. Или ждёт. И я не знаю, сколько смогу здесь просидеть. Сколько смогу прятаться. Сколько смогу не открывать эту дверь.

Вдыхаю. Выдыхаю. Смотрю на экран. На письма. На даты. На слова.

"Берегите себя."

Я здесь. Я жива. Я буду беречь себя.

Глава 9. Тьма

Сижусь на полу. Спина касается стены. Холодная, гладкая. Смотрю на дверь. Она неподвижна. Стук не повторяется. Тишина.

И вдруг — свет гаснет.

Резко. Мгновенно. Как будто кто-то выдернул реальность из розетки. Жёлтый, тёплый свет, который держал меня в этом убежище, исчезает. Тьма. Густая, тяжёлая, давящая на глаза, на виски, на грудь.

Замираю. Сердце пропускает удар. Потом бьётся чаще — где-то в горле, в ушах, в кончиках пальцев. Тьма — она везде. Она заполняет комнату, заполняет меня. Я не вижу своих рук. Не вижу ног. Только чувствую — они есть. Они дрожат.

Гул станции стихает.

Тот низкий, ровный звук, который был со мной с самого пробуждения — он исчезает. Медленно, как затухающая волна. Я слышу, как он уходит. Как затихает. Как оставляет меня в тишине.

Абсолютная тишина.

Слышу только своё дыхание. Только сердце, колотящееся о рёбра. Только кровь, шумящую в ушах.

Тьма. Тишина. Холод.

Воздух становится холоднее. Чувствую, как он касается кожи — лица, рук, ног. Там, где комбинезон не закрывает — на запястьях, на лодыжках. Холод проникает внутрь. Обволакивает. Сжимается вокруг тела. Я начинаю дрожать. Мелко, противно. Пальцы ног сжимаются, впиваясь в тёплый пол — но пол остывает. Он больше не тёплый. Он становится прохладным. Потом холодным.

Воздуха становится меньше. Я замечаю это не сразу. Сначала просто дыхание становится глубже. Потом — чаще. Я вдыхаю — и чувствую, как лёгкие не наполняются до конца. Как будто воздуха меньше, чем нужно. Как будто кто-то сжимает грудь изнутри.

Паника поднимается откуда-то из глубины. Из самых пяток, где холод касается кожи. Поднимается выше, к икрам, к коленям, к животу, к груди. Она сжимает горло. Я пытаюсь вдохнуть глубже — но не могу.

Смотрю в темноту. И вдруг замечаю — свет. Слабый, тусклый. Он идёт откуда-то справа.

Экран. Сенсорный экран на столе. Он горит. Голубоватое свечение разгоняет тьму в радиусе полуметра. Чувствую его свет на лице, на руках. Он тёплый. Единственное тёплое пятно в этой темноте.

Поднимаюсь на ноги. Медленно. Ступни касаются пола — он холодный. Пальцы ног сжимаются, чувствуя каждое прикосновение. Иду к экрану. Шаг. Второй. Свет становится ярче.

Касаюсь пальцами его поверхности. Он загорается. Строки. Текст. Данные. Но я не читаю. Я просто смотрю на свет. Он успокаивает.

И вдруг замечаю их. Панели на стене. Раньше я их не видела — они сливались со стеной в жёлтом свете. Сейчас, в темноте, они светятся. Тускло, едва заметно. Ряды кнопок, переключателей, индикаторов. Они мигают — красным, зелёным, жёлтым. Как глаза, смотрящие на меня из темноты.

Подхожу к стене. Касаюсь пальцами одной панели. Холодная. Металлическая. Под пальцами — кнопки. Они выступают, шершавые. Нажимаю. Ничего. Ещё раз. И ещё.

Одна из кнопок загорается — красным. Слышу звук — низкий, гудящий. Вентиляция. Где-то в стене включается вентилятор. Слышу его — он работает. Но воздух не становится теплее. Он всё ещё холодный. И его всё ещё мало.

Опускаюсь на колени. Ступни касаются холодного пола. Пальцы ног сжимаются. Обхватываю себя руками. Чувствую, как дрожат плечи, как дрожат руки, как дрожит всё тело.

Кто-то вырубил питание. Кто-то отключил системы жизнеобеспечения. Кто-то знает, что я здесь. Кто-то хочет, чтобы я не дышала.

Смотрю в темноту. Смотрю на светящийся экран. Смотрю на панели. И понимаю — я не могу оставаться здесь. Если воздух уходит, я задохнусь. Если свет не вернётся, я останусь в темноте. Если я не сделаю что-то — я умру.

Поднимаюсь. Ступни касаются холодного пола. Иду к двери. Рука касается панели управления. Замки, блоки, засовы — я сама их активировала. Разблокирую. Пальцы дрожат, скользят по гладкой поверхности. Нажимаю.

Слышу, как механизмы отключаются. Один за другим. Засовы встают на место. Блоки снимаются.

Дверь открывается. В коридор хлынула тьма. Густая, холодная. Только слабый свет от экрана за спиной освещает порог.

Я делаю шаг. Выхожу. Ступни касаются холодного рифлёного пола. Пальцы сжимаются. Дверь за спиной закрывается — бесшумно, плавно.

Я в темноте. Я одна. И мне нужно найти свет. Найти воздух. Найти выход.

Глава 10. Свет

Шаг. Остановка. Ступня касается пола — холодного, рифлёного. Сначала пальцы — они находят опору, чувствуют каждую линию металла. Потом — медленно, осторожно — опускается подушечка. И только потом — пятка. Почти не касаюсь ею пола. Боюсь звука. Боюсь, что каждый шаг выдаст меня.

Тьма. Густая, липкая, обволакивает тело, как вторая кожа. Не вижу ничего. Только чувствую. Пол под ногами. Стены — я касаюсь их пальцами, провожу по гладкому холодному металлу. Воздух — он холодный, и его мало. Каждый вдох — как глоток воды через соломинку. Грудная клетка сжимается, лёгкие не наполняются до конца.

Сердце — оно бьётся где-то в горле. Слышу его. Кажется, оно заглушает всё. Но я стараюсь дышать тихо. Почти не дышать. Каждый звук — мой шаг, моё дыхание, моё сердце — кажется оглушительным в этой тишине.

Иду на ощупь. Руки вытянуты вперёд. Пальцы касаются стены, ведут меня. Ступни — осторожно, медленно. Сначала пальцы, потом подушечка, потом — почти без пятки. Я ступаю так, будто иду по тонкому льду. Каждый шаг — проверка. Каждый звук — опасность.

Коридор петляет. Чувствую повороты. Стена уходит вправо — я поворачиваю. Снова прямо. Снова поворот. Я потеряла счёт. Потеряла направление. Только руки на стене, только ступни на полу, только холод, только тишина.

Шорох. Где-то сзади. Или спереди. Не могу понять. Замираю. Стараюсь не дышать. Прислушиваюсь. Тишина. Только гул — слабый, едва слышный. Или это просто в ушах шумит кровь. Не знаю.

Иду дальше. Осторожно. Медленно. Пальцы ног сжимаются при каждом шаге. Чувствую каждую неровность, каждую трещину. Боюсь наступить в лужу — вода выдаст звуком. Боюсь задеть что-то, что упадёт.

Стена заканчивается. Рука нащупывает пустоту. Проём. Останавливаюсь. Вглядываюсь в темноту. Ничего. Только тишина. Только мой страх.

Делаю шаг. Вхожу.

Свет. Слабый, тусклый, но он есть. Он идёт от панелей на стенах. Несколько штук — индикаторы, экраны, системы. Они горят холодным голубоватым светом, создавая подобие жалкого свечения. Оно рассеивает тьму на метр, не больше. Но я вижу. Снова вижу.

Комната. Небольшая. Стены в панелях. Кабели, тянущиеся по полу. И тишина — здесь она другая. Не такая густая. Она ждёт.

Делаю шаг внутрь. Ступня касается пола — и я чувствую это. Мягкое. Обволакивающее. Слизь. Она покрывает пол тонким слоем. Чувствую, как пальцы ног утопают в ней, как она обтекает подошву. Липкая, холодная, скользкая.

Отдёргиваю ногу. Пятка касается пола — и я слышу звук. Мягкий, приглушённый. Чавканье.

Смотрю вниз. Пол покрыт слизью. Тонкий слой, но он везде. Тянется к стенам, к панелям, к кабелям. Где-то блестит, отражая слабый свет.

Снова шаг. Ступня касается слизи. Чувствую, как она обволакивает пальцы, как скользит между ними. Холодная, липкая. Пахнет сыростью. Пахнет чем-то знакомым. Тем, что схватило меня в гидропонике.

Поднимаю взгляд. На стене — панель. Большая, с экраном. На ней — надписи. "Системы жизнеобеспечения. Аварийное питание. Освещение." Светится тускло, но это я читаю. Это я могу сделать.

Подхожу к панели. Ступни скользят по слизи. Каждый шаг — мягкий, вязкий. Чувствую, как она прилипает к коже. Пальцы ног сжимаются, ощущая её текстуру.

Касаюсь панели пальцами. Они оставляют след на поверхности. Гладкой, прохладной. Смотрю на экран. Надписи. Кнопки. Строки.

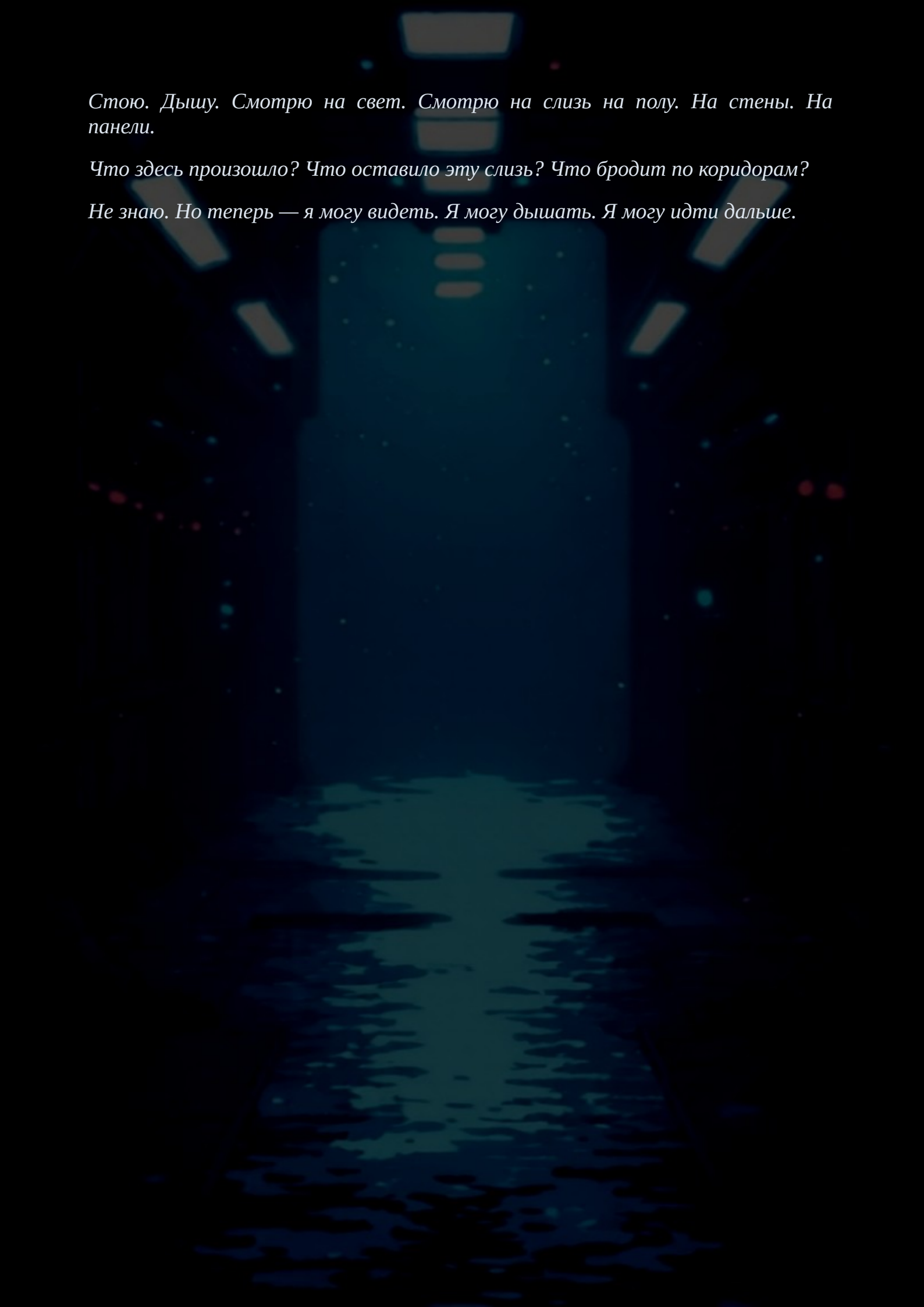
Читаю. "Включить аварийное освещение — нажать". "Включить резервную систему жизнеобеспечения — нажать".

Касаюсь. Пальцы нажимают первую кнопку.

Свет. Сначала — вспышка. Яркая, режущая глаза. Жмурюсь, закрываю лицо руками. Чувствую, как свет проходит сквозь пальцы, касается кожи. Потом — мягче. Свет загорается по всей комнате. Тусклый, но жёлтый. Тёплый. Как в каюте.

Вижу комнату. Панели. Кабели. Слизь на полу — она блестит в свете. Она повсюду. На стенах — тоже. Тонкие дорожки слизи тянутся к вентиляции, к трещинам в панелях.

Снова касаюсь экрана. Включаю резервную систему жизнеобеспечения. Слышу звук — низкий, гудящий. Вентиляция оживает. Воздух начинает двигаться. Свежий, холодный. Я вдыхаю — и чувствую, как лёгкие наполняются. Наконец-то.

Стою. Дышу. Смотрю на свет. Смотрю на слизь на полу. На стены. На панели.

Что здесь произошло? Что оставило эту слизь? Что бродит по коридорам?

Не знаю. Но теперь — я могу видеть. Я могу дышать. Я могу идти дальше.

Глава 11. Вязкий плен

Стою. Дышу. Свет — тусклый, жёлтый, но он есть. Вентиляция гудит — тихо, ровно. Воздух наполняет лёгкие. Холодный, свежий. Я чувствую, как он касается губ, входит внутрь. Наконец-то можно дышать. Наконец-то не задыхаться.

Поворачиваюсь, чтобы выйти.

Рывок. Резкий. Ступни прилипают к полу. Я пытаюсь оторвать ногу — не могу. Слизь. Она обхватывает ступни, держит их. Чувствую, как она обволакивает пальцы ног, как сжимается вокруг подошв. Липкая, холодная, тянется вверх — к лодыжкам, к икрам.

Дёргаюсь. Пытаюсь вырваться. Ступни скользят по слизи — но не отрываются. Она держит крепко. Как будто я встала в клей.

Руки тянутся вниз, пальцы касаются слизи на ногах. Она холодная, скользкая, обволакивает руки. Пальцы скользят по ней — не могу ухватиться, не могу оторвать.

Нога дёргается. Ещё раз. Пятка отрывается от пола — и тут же снова прилипает. Слизь тянется, как резина. Я чувствую, как она натягивается, как сжимается вокруг ступней.

Барахтаюсь. Дёргаю ногами, руками. Пытаюсь вырваться. Сердце колотится где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Дыхание сбивается. Паника поднимается — она заполняет грудь, сжимает горло, застилает глаза.

И вдруг — резко. Слизь отпускает. Ноги свободны.

Но я не успеваю среагировать. Пол резко приближается — я падаю. Колени касаются слизи — мягко, вязко. Руки — ладони, пальцы — погружаются в неё. Она холодная, липкая, обволакивает кожу.

И тут же — она обхватывает меня. Всё тело. Слизь поднимается, накрывает ноги, бёдра, живот, руки. Чувствую, как она сжимается вокруг груди, вокруг плеч, вокруг шеи. Холодная, тягучая, живая.

Пытаюсь двинуться — не могу. Руки прилипли к полу. Пальцы — сжаты, не могу разжать. Ноги — скованы. Ступни — прилипли. Каждое движение — как попытка вырваться из вязкой смолы. Мышцы напрягаются, дрожат, но не могут сдвинуть тело.

Паника. Она накрывает с головой. Сердце колотится так сильно, что кажется — оно выпрыгнет из груди. Дыхание — частое, рваное. Я пытаюсь дёрнуться, вырваться — но слизь держит крепко. Она обволакивает каждую

часть тела. Чувствую, как она сжимается вокруг рёбер, как она тянется к лицу.

И вдруг — останавливается. Слизь больше не поднимается. Она останавливается на уровне ключиц. Лицо свободно. Глаза, нос, рот — открыты. Я могу дышать.

Дышу. Часто, глубоко. Воздух входит в лёгкие, холодный, влажный. Сердце всё ещё колотится. Но я могу дышать.

Лежу на полу. В слизи. Вся в ней. Комбинезон промок, прилип к телу. Чувствую её сквозь ткань — холодную, липкую. Она покрывает руки, ноги, живот, грудь. Она сковывает движения.

Пытаюсь пошевелить пальцами. Они не слушаются. Сжимаются, разжимаются — но медленно, тяжело. Слизь между ними, она скользит, липнет.

Что делать? Что мне делать?

Мысли путаются. Паника — она всё ещё здесь. Но где-то внутри, под ней, просыпается что-то другое. Медленное, холодное.

Дышу. Глубоко. Медленно. Стараюсь успокоиться.

Смотрю по сторонам. Комната — та же. Свет — жёлтый, тусклый. Панели — светятся. Кабели — на полу. Слизь — везде. Она покрывает пол, стены, панели. Она повсюду.

Может быть, она просто держит меня? Может быть, это защита? Или ловушка?

Не знаю. Но я могу дышать. И я жива. Пока я жива — я могу думать. Я могу искать выход.

Закрываю глаза. Чувствую слизь на лице? Нет. Только на теле. Только на руках, ногах, туловище. Она держит меня, но не душит. Она ждёт.

Открываю глаза. Смотрю на панели. На кабели. На вентиляцию.

Может быть, если я перестану бороться — она ослабит хватку? Может быть, если я успокоюсь — смогу освободиться?

Не знаю. Но я попробую. Я должна попробовать. Потому что если я не попробую — я останусь здесь. Навсегда.

Глава 12. Освобождение

Перестая дёргаться.

Тело замирает. Мышцы — напряжены, дрожат, но я перестаю бороться. Руки, ноги — неподвижны. Только дыхание — частое, рваное. Только сердце — колотится где-то в горле.

И вдруг — хватка ослабевает.

Сначала я не верю. Чувствую, как слизь перестаёт сжиматься вокруг рук. Пальцы — свободны. Медленно, осторожно шевелю ими. Они двигаются. Слизь обволакивает их, но не держит. Она просто прилипла к ткани комбинезона.

Ноги. Пытаюсь пошевелить ступнями — и чувствую, как слизь отпускает. Пальцы ног двигаются. Свободны. Но комбинезон прилип к телу. Ткань — мокрая, липкая. Она держит слизь, как губка.

И вдруг — звук.

Из коридора. Через открытую дверь. Шлёпающие звуки. Мягкие, влажные. Они приближаются. Медленно. Ритмично. Шлёп. Шлёп. Шлёп.

Сердце пропускает удар. Потом бьётся чаще — бешено, дико. Холод пробирает до костей. Не тот холод, что от воздуха. Тот, что внутри. Страх.

Тело действует само. На автомате.

Пальцы нащупывают край комбинезона. Ткань мокрая, скользкая, прилипла к коже. Дёргаю — не поддаётся. Ещё раз. Слышу, как ткань трещит. Слизь тянется за ней, как резина. Ещё рывок — и комбинезон поддаётся. Ткань рвётся на плече, на боку. Чувствую, как холодный воздух касается кожи там, где ткань разорвана. Ещё рывок — нога свободна. Комбинезон висит лохмотьями, но я могу двигаться.

Шлёп. Шлёп. Ближе. Звук уже почти у двери.

Выбираюсь из липкого плена. Ступни касаются слизи — она холодная, липкая, обволакивает пальцы. Но я уже не чувствую её. Только страх. Только инстинкт.

Встаю. Колени дрожат. Всё тело дрожит. Срываюсь с места — и бегу.

Ступни шлёпают по слизи, по мокрому полу. Звук — влажный, хлюпающий, но я не слышу его. Слышу только своё сердце. Слышу только дыхание. Слышу шаги за спиной — они всё ближе.

Бегу. Коридор петляет. Свет — тусклый, жёлтый, мерцает. Стены — мелькают, плывут. Не знаю, куда бегу. Просто бегу. Потому что если остановлюсь — не смогу больше. Не смогу встать. Не смогу дышать.

Дверь. Впереди. Светится тусклым зелёным огоньком. Сенсорная панель. Бросаюсь к ней. Руки дрожат, когда я касаюсь поверхности. Пальцы — влажные, скользкие. Нажимаю. Ещё раз. Дверь не открывается.

Шлёп. Шлёп. Сзади. Близко. Очень близко.

Бью по панели кулаком. Боль вспыхивает в костяшках, поднимается по руке. Ещё раз. И ещё.

Дверь открывается. Медленно, как вечность. Скользит в сторону — плавно, бесшумно. Вваливаюсь внутрь. Падаю. Ступни касаются пола — гладкого, холодного, без слизи. Хватаюсь за панель у двери. Пальцы находят кнопку блокировки. Нажимаю.

Дверь закрывается. Слышу щелчок. Засовы встают на место. Блокировка активирована.

Прислоняюсь к двери спиной. Скольжу вниз, сажусь на пол. Холодный, гладкий. Чувствую его через рваную ткань комбинезона — там, где она ещё держится на теле. Комбинезон висит лохмотьями, открывая кожу на плече, на боку, на бедре. Холодный воздух касается этих мест, и я вздрагиваю.

Дышу. Часто, глубоко, почти захлёбываясь. Сердце колотится — оно бьётся о рёбра, о грудь, о горло. Слышу его. Слышу своё дыхание. Слышу тишину за дверью.

Пульс — на пределе. Чувствую, как он пульсирует в висках, в горле, в кончиках пальцев. Каждый удар отдаётся в теле. Каждый удар — как напоминание: я жива.

Смотрю вокруг. Комната. Небольшая. Стены — серые, металлические. На стене — несколько панелей. Свет — тусклый, голубоватый. Пол — холодный, гладкий. Никакой слизи. Никакой грязи.

Обхватываю себя руками. Плечи дрожат. Руки — холодные, влажные. Кожа покрыта мурашками. Провожу пальцами по рукам — чувствую влагу, оставшуюся после слизи. Она подсыхает. Становится липкой.

Сажусь на полу, в рваном комбинезоне, мокрая, дрожащая. Смотрю на дверь. Она закрыта. Заблокирована.

Я здесь. Я жива. Я могу дышать. Хотя бы сейчас. Хотя бы здесь.

Но шаги за дверью — они не ушли. Я знаю. Они ждут.

Глава 13. Склад

Холодно.

Кожа покрыта мурашками, влага от слизи подсыхает, и каждый миллиметр открытого тела чувствует холодный воздух. Влажный, липкий, проникающий внутрь. Обхватываю плечи руками — пальцы касаются голой кожи. Она холодная, чуть шершавая от подсыхающей слизи.

Осматриваю комнату. Склад. Металлические стеллажи вдоль стен. На них — ящики, контейнеры, какие-то коробки. Пол — гладкий, серый, без рифления. Пахнет металлом, пылью, сухостью. Здесь чисто. Впервые с тех пор, как я очнулась — чисто. Нет слизи, нет воды, нет грязи.

Взгляд цепляется за вещи. На одном из стеллажей висит комбинезон. Тонкий, тёмно-синий. Технический. Простой, без лишних деталей. Встаю на ноги. Ступни касаются холодного пола — гладкого, сухого. Иду к стеллажу. Снимаю комбинезон с вешалки. Ткань — грубоватая, плотная, но тонкая. На ощупь — прохладная, чуть шершавая.

Старый комбинезон, рваный и мокрый, сползает с плеч. Ткань липнет к коже, тянется за ней, когда я стягиваю его вниз. Сбрасываю на пол. Ступни касаются холодной поверхности. Некогда думать о неловкости.

Беру новый. Надеваю. Ткань чуть натягивается на плечах, в груди, но это терпимо. Не слишком свободно, но и не сковывает движения. Ткань скользит по влажной коже, прилипает местами. Но она сухая. И тёплая. Лучше, чем ничего.

Провожу руками по телу — чувствую ткань под пальцами. Она плотная, но не жмёт. Могу дышать. Могу двигаться. Ступни всё ещё голые. Ладони — тоже. Но теперь я не дрожу так сильно.

Подхожу к панелям управления. Несколько штук на стене. Светятся тусклым голубоватым светом. Касаюсь пальцами поверхности — гладкая, прохладная. Читаю надписи. Складские помещения. Инвентарь. Системы хранения. Всё работает. Всё в порядке.

Звук. За дверью. Тот же, что я слышала в коридоре. Шлёпающий. Мягкий. Медленный.

Замираю. Сердце снова начинает биться быстрее. Смотрю на дверь — заблокирована. Но звуки становятся громче. Или мне кажется.

Надо убираться отсюда. Немедленно. Если то, что там, за дверью, поймёт, что я здесь — оно найдёт способ войти.

Осматриваю комнату. В противоположной стене — ещё одна дверь. Металлическая, герметичная, с панелью управления. Подхожу к ней. Пальцы касаются панели — она загорается. Читаю. "Выход в технический коридор. Аварийный доступ."

Касаюсь кнопки. Дверь открывается — бесшумно, плавно. В коридор хлынул свет. Голубоватый, холодный. Делаю шаг. Ступни касаются пола — холодного, рифлёного. Оборачиваюсь. Дверь закрывается за мной — и слышу щелчок. Я снаружи. Снова в коридоре.

Прислушиваюсь. Из-за двери склада — звуки. Они удаляются. Или просто теряются в гуле станции. Не знаю.

Смотрю вперёд. Коридор уходит в темноту. Длинный, прямой, без ответвлений. Свет — тусклый, мерцающий. Пол — холодный, рифлёный.

Делаю шаг. Второй. Ступни касаются металла. Пальцы сжимаются.

Я иду дальше. Я не могу остановиться. Не могу. Если я остановлюсь — я умру. Или хуже. Я останусь здесь. Навсегда.

Глава 14. Ангар

Коридор тянется бесконечно. Стены — серые, холодные, с редкими панелями, которые тускло светятся. Ступни касаются рифлёного металла — он холодный, но я уже привыкла. Пальцы ног сжимаются при каждом шаге, чувствуя знакомую текстуру. Воздух становится чуть теплее. Или это просто кажется.

Коридор расширяется. Стены расходятся, потолок поднимается. Выхожу в огромное пространство.

Ангар.

Металлические фермы уходят вверх, теряясь в темноте. Свет — тусклый, голубоватый, идёт от редких ламп на стенах. Пол — гладкий, бетонный, с разметкой. Где-то в углах виднеются контейнеры, ящики, какие-то механизмы. Хаос. Небольшой, но заметный. Ящики опрокинуты, инструменты разбросаны, кабели тянутся по полу.

И лужи. Тёмные, маслянистые. Слизь. Не так много, но она есть. Она блестит в тусклом свете, тянется от стен к центру, огибает контейнеры. Наступать в неё не хочется. Обхожу. Осторожно. Ступни касаются сухого бетона — шершавого, тёплого. Пальцы сжимаются.

И тут я вижу её. Аварийная капсула.

На противоположном конце ангара. Стоит на небольшом возвышении, окружённая металлическими конструкциями. Обтекаемая, серебристая, с иллюминаторами. Светится тусклым зелёным огоньком у основания. Шанс. Единственный шанс выбраться отсюда.

Сердце пропускает удар. Потом бьётся чаще — где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Я смотрю на капсулу и чувствую, как внутри что-то оживает. Надежда. Она маленькая, хрупкая, но она есть.

Начинаю движение. Медленно. Украдкой. Каждый шаг — осторожный, бесшумный. Ступни касаются бетона — сначала пальцы, потом подушечка, потом пятка. Почти без звука. Прячусь за контейнерами, за ящиками. Крадусь от одного укрытия к другому.

Слизь. Она повсюду. Блестит в тусклом свете, тянется тонкими дорожками. Обхожу её. Боюсь наступить. Боюсь, что она почувствует меня. Или то, что оставило её.

Тишина. Только моё дыхание. Только сердце. Оно бьётся так громко, что кажется — его слышно во всём ангаре. Каждый удар отдаётся в груди, в висках, в кончиках пальцев. Чувствую его.

Останавливаюсь за большим контейнером. Выглядываю. Капсула — ближе. Метров тридцать. Ещё немного. Ещё несколько укрытий.

И вдруг — звук.

Где-то в ангаре. Тихое, влажное шлёпанье. Оно доносится оттуда, откуда я пришла. Или из тени. Не могу понять. Замираю. Дыхание останавливается. Сердце — оно бьётся где-то в горле, мешая дышать.

Прислушиваюсь. Тишина. Только гул станции. Только моё сердце.

Делаю шаг. Второй. Крадусь дальше. Капсула всё ближе. Уже вижу её дверь — приоткрыта. Свет внутри. Тёплый, жёлтый. Манящий.

Шлёп.

Сзади. Совсем близко.

Резко оборачиваюсь. Ничего. Только тени. Только контейнеры. Только лужи слизи, блестящие в темноте.

Но оно здесь. Я знаю. Я чувствую это кожей. Воздух становится холоднее. Или это страх.

Поворачиваюсь и бегу. Срываюсь с места, забыв об осторожности. Ступни шлёпают по бетону — громко, влажно. Слышу своё дыхание, слышу сердце, слышу шаги за спиной — или мне кажется.

Капсула. Впереди. Ещё несколько метров. Руки тянутся к двери, пальцы касаются прохладного металла.

Шлёп. Сзади. Влага касается пяток.

Врываюсь внутрь. Бросаюсь к панели управления. Пальцы дрожат, скользят по гладкой поверхности. Нажимаю кнопку закрытия двери.

Дверь скользит вниз. Медленно, как вечность.

И в последний момент — тень. Она проскальзывает в щель. Или мне кажется. Дверь закрывается. Щелчок. Герметично.

Прижимаюсь спиной к холодной стене капсулы. Дышу. Часто, глубоко. Сердце — оно бьётся где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

Смотрю вокруг. Капсула. Маленькая, тесная. Кресло. Панели управления. Иллюминатор — за ним темнота.

Я внутри. Я закрыта. Я в безопасности. Хотя бы на мгновение.

Но страх всё ещё здесь. Он пульсирует вместе с сердцем. Он ждёт за дверью.

Глава 15. Капсула

Внутри капсулы тихо. Гул станции почти не слышен — только слабая вибрация, проходящая сквозь металлические стены, касающаяся спины, рук, ступней. Я прислоняюсь к стене, позволяя себе дышать. Часто, глубоко. Сердце постепенно замедляется. Воздух в капсуле свежий, с лёгким привкусом озона. Вдыхаю его, наполняю лёгкие. Тёплый. Безопасный.

Осматриваюсь. Тесное пространство. Одно кресло — мягкое, обтянутое светлой тканью. Напротив — панель управления. Кнопки, рычаги, экран. Всё светится тусклым голубоватым светом. Слева — небольшой иллюминатор. За ним — темнота ангара. Справа — шкафчик с надписью "Аварийный запас". Внизу — ножной рычаг.

Сажусь в кресло. Ткань мягкая, чуть пружинит под тяжестью тела. Чувствую её спиной, бёдрами, руками, которые касаются подлокотников. Провожу пальцами по поверхности — гладкая, тёплая. Приятная после холодного металла коридоров.

Руки касаются панели управления. Кнопки. Под пальцами — гладкие, чуть выступающие. Нажимаю одну. Экран загорается ярче. Строки. Текст. Надписи.

"Аварийная эвакуационная капсула. Модель 7-А. Система готова к запуску."

Смотрю на экран. Читаю дальше. Инструкция. Шаг за шагом. Мои руки двигаются сами — касаются кнопок, рычагов, сенсорных панелей.

Проверяю герметичность. Зелёный индикатор.

Система жизнеобеспечения. Зелёный.

Навигация. Жёлтый. Ожидает калибровки.

Касаюсь панели. Экран мигает. Появляется изображение — схема станции. Моя капсула — маленькая точка, светящаяся зелёным. Путь на поверхность — пунктирная линия. До выхода — несколько минут.

Дыхание становится глубже. Сердце — оно бьётся ровнее. Надежда. Она растёт где-то внутри, заполняет грудь, разливается по телу тёплой волной. Я почти чувствую её кожей. Как свет.

Занимаю место в кресле. Откидываюсь на спинку. Ткань принимает тело, обволакивает плечи, спину. Пальцы находят ремни — мягкие, но прочные. Стягиваю их, слышу щелчок. Пристёгнута. Готово.

На панели загорается обратный отсчёт. Цифры. Десять, девять, восемь...

Вдыхаю. Жду.

Семь, шесть, пять...

Слышу гул. Низкий, нарастающий. Капсула начинает вибрировать. Чувствую это — через кресло, через пол, через ремни, сжимающие плечи.

Четыре, три...

Экран мигает. Красным. Звук — сухой, металлический. Голос. Искусственный. Ровный.

"Предупреждение. Недостаточно питания для запуска. Подключите дополнительный источник питания на панели питания. Повторяю. Недостаточно питания для запуска..."

Цифры на экране замирают. Обратный отсчёт останавливается. Три. Три. Три.

Гул стихает. Вибрация уходит. Тишина. Только мой голос в голове. Только сердце, снова начинающее биться быстрее.

Смотрю на панель. Кнопки. Рычаги. Красный индикатор мигает на одной из них — "Аварийное питание". Нажимаю. Ничего. Ещё раз. Ничего.

Смотрю на экран. Текст. Требуется дополнительный источник. Но где? Где взять его?

Опускаю руки на колени. Чувствую, как они дрожат. Как дрожит всё тело. Надежда — она тает. Исчезает. Оставляет только холод. Только пустоту.

Сижусь в кресле. Пристёгнутая. В капсуле, которая не может всплыть. Смотрю на тёмный иллюминатор. На своё отражение — бледное, испуганное.

Я не могу уйти. Я заперта здесь. Вместе со всем, что бродит по коридорам. Вместе с тем, что ждёт за дверью.

Откидываю голову на спинку кресла. Закрываю глаза. Пульс бьётся в висках. В горле. В кончиках пальцев.

Что теперь? Что мне делать теперь?

Глава 16. Решение

Сижу в кресле. Пристёгнутая. В капсуле, которая не может всплыть. Смотрю на экран. Красный индикатор мигает — монотонно, равномерно. Требуется дополнительный источник питания. Смотрю на свои руки — они дрожат. Пальцы сжимаются и разжимаются, чувствуя холодную гладкую поверхность подлокотников.

Касаюсь экрана. Пальцы находят карту ангара. Она разворачивается передо мной — схематические линии, обозначения, надписи. Изучаю. Вглядываюсь в каждую деталь. Вот моя капсула — зелёная точка. Вот дверь, через которую я вошла. Вот панель управления капсулами, где можно активировать аварийное питание. Она в другом конце ангара.

Другой конец.

Откидываюсь на спинку кресла. Закрываю глаза. Пульс бьётся в висках, в горле, в кончиках пальцев. Дышу. Глубоко, медленно. Вдыхаю воздух с привкусом озона. Выдыхаю страх. Он остаётся. Он всегда со мной.

Открываю глаза. Смотрю в иллюминатор — темнота. Ангар. За дверью — оно. Ждёт. Смотрит. Знает, что я здесь.

Что делать?

Воздух есть. Система жизнеобеспечения работает. Тепло — оно сохраняется внутри капсулы. Но пищи нет. Совсем. В шкафчике — только пустота. Или пустые полки. Я уже проверила.

Это конец? Я смотрю на свои руки, на ладони, на пальцы, сжимающие подлокотники. Это конец. Если я останусь здесь — я умру. Не сразу. Медленно. Голод, жажда, отчаяние. Оно проникнет внутрь, когда я ослабею. Или я просто не открою дверь, и тишина сожрёт меня.

Смотрю на дверь капсулы. Герметичная, закрытая. За ней — ангар. За ангаром — панель управления капсулами. Если я смогу добраться, если смогу включить аварийное питание — я смогу убраться отсюда.

Придётся идти. Это единственный выход.

Мысль пугает до дрожи в коленях. Живот сжимается. Ступни касаются пола — холодного, гладкого. Пальцы ног сжимаются. Я сижу, пристёгнутая, и чувствую, как страх заполняет каждую клетку. Он говорит мне: останься. Он говорит мне: не выходи. Он говорит: это конец.

А что если это действительно конец? Если оно схватит меня, как только я выйду? Если я не успею добежать? Если панель не включится? Что тогда?

Слёзы. Они приходят сами, когда я думаю об этом. Тёплые, солёные, они текут по щекам. Чувствую их — они касаются губ, подбородка, падают на руки. Вытираю их пальцами. Они мокрые, солёные. Вдыхаю. Выдыхаю.

Но где-то внутри, под страхом, под слезами, под паникой — что-то просыпается. Что-то тихое, упрямое. Смирение. Принятие.

Я не знаю, смогу ли я. Я не знаю, добегу ли. Я не знаю, останусь ли жива. Но я знаю — если я останусь здесь, я умру. Или медленно, от голода и одиночества. Или быстро, когда оно найдёт способ войти.

Если я пойду — у меня будет шанс. Маленький, хрупкий, почти нереальный. Но он есть.

Дрожащими пальцами нащупываю замки ремней. Один. Второй. Ремни соскальзывают с плеч, с бёдер. Я свободна. Встаю. Ступни касаются холодного пола. Пальцы сжимаются, чувствуя гладкую поверхность.

Подхожу к двери. Ладонь касается её поверхности — холодной, гладкой. Чувствую, как вибрация проходит сквозь кожу. Чувствую, что за ней — ожидание. Оно ждёт. Оно знает.

Касаюсь панели открытия. Рука дрожит. Пальцы — влажные, липкие от слёз. Смотрю на них. На свою руку. На свою ладонь, которая сейчас откроет дверь.

Это путь в никуда. Или в свободу.

Смотрю в тёмный иллюминатор. На своё отражение. Бледное, испуганное, заплаканное. Но в глазах — что-то. Маленький огонёк. Тот самый, который не даёт мне сдаться. Тот, который шепчет: иди. Беги. Дыши. Живи.

— Я иду, — шепчу я в тишину капсулы. — Я иду.

Глава 17. Встреча

Касаюсь панели. Пальцы — влажные, дрожащие. Нажимаю. Дверь открывается — медленно, плавно. В лицо ударяет холодный воздух ангара. Тьма. Только тусклый голубоватый свет из капсулы падает на бетонный пол, выхватывая из темноты несколько метров пространства.

Делаю шаг. Ступня касается холодного бетона — шершавого, сухого. Пальцы ног сжимаются. Второй шаг. Я вне капсулы. Слышу, как дверь за спиной начинает закрываться.

И вдруг — удар.

Резкий, сильный. Что-то врезается в плечо, сбивает с ног. Падаю. Колени и ладони встречают холодный бетон — боль вспыхивает, поднимается по рукам, по ногам. Воздух выбит из груди. Пытаюсь вдохнуть — не могу. Только хрип, только паника, только страх, заполняющий всё внутри.

Смотрю вверх. В тусклом свете, падающем от капсулы, вижу фигуру. Женская. Слегка полненькая, гибкая. Стоит в нескольких метрах. Медленно приближается. Шаг. Ещё шаг.

Пытаюсь встать. Ноги не слушаются — дрожат, подкашиваются. Руки скользят по бетону, пальцы впиваются в шершавую поверхность. Боль в плече пульсирует, отдаётся в шее, в спине. Я понимаю — не успею. Не успею добежать. Не успею спрятаться. Она слишком близко.

Приподнимаюсь. Опираюсь на руки, на колени. Ступни касаются бетона — я чувствую каждую неровность, каждый камешек под пальцами. Дышу часто, рвано. Смотрю на неё.

Свет. Откуда-то сбоку, с бортика возвышения, где стоит капсула — тусклая подсветка падает на пол, на её ноги. Я вижу ступню. Изящную, чуть пухленькую, с аккуратными пальцами. Ступня ступает на бетон — плавно, уверенно. Пальцы чуть сжимаются, касаясь поверхности. Кожа бледная, почти светящаяся в полумраке. На ней — ни царапины, ни грязи, ни слизи. Чистая, ухоженная. Как будто она не была здесь, в этом аду. Как будто она пришла из другого мира.

Взгляд скользит выше. Нога в комбинезоне — светлом, облегающем. Ткань плотно обтягивает икру, колено, бедро. Никаких разрывов, никакой грязи. Она выглядит так, будто только что вышла из душа. Будто она не бежала по коридорам, не пряталась от слизи, не падала в темноте.

Другая ступня. Такая же. Ногти — аккуратные, с прозрачным покрытием. Она ступает на бетон, и я вижу, как напрягаются мышцы на подъёме стопы,

как пальцы чуть приподнимаются, касаясь пола. Изящно. Плавно. Как будто она танцует.

Я смотрю на эти ступни — и вдруг понимаю. Они знакомы. Я знаю эту форму. Знаю, как эти пальцы сжимаются при ходьбе. Знаю, как эта ступня касается пола. Я видела её. Я помню её.

Медленно поднимаю взгляд. Ноги, бёдра, талия, грудь. Комбинезон облегает каждую линию. Руки — опущены вдоль тела. Плечи — чуть приподняты. Шея — тонкая, изящная. Лицо.

Она.

Я смотрю на неё и не могу дышать.

Это я.

Она смотрит на меня. Те же глаза. Тёмные, с красными веками. Те же волосы — длинные, тёмные, чуть влажные. Она выглядит так, как я выглядела в каюте. Перед тем, как я одела комбинезон. Перед тем, как я вышла в коридор.

Она — это я.

Я — это она.

Шок. Он накрывает меня, как волна. Смывает страх, панику, все мысли. Остаётся только пустота. Только осознание. Она здесь. Она стоит передо мной. И смотрит на меня.

Я не могу пошевелиться. Не могу моргнуть. Только смотрю в её глаза. В свои глаза. И чувствую, как мир рушится вокруг.

Глава 18. Поглощение

Смотрю в её глаза. В свои глаза. Мир замирает. Только она. Только я. Только это бесконечное, пугающее узнавание.

И вдруг — тьма. Свет гаснет. Резко, мгновенно. Я не вижу её лица. Не вижу своих глаз. Только темнота. Густая, липкая, обволакивающая.

И слизь.

Я не вижу её, но чувствую. Она поднимается откуда-то снизу. Касается ступней — холодная, скользкая. Обволакивает пальцы, подошвы, пятки. Поднимается выше — к лодыжкам, к икрам. Чувствую, как она сжимается вокруг ног, как тянется выше, обхватывает бёдра, талию.

Дёргаюсь — не могу. Тело не слушается. Ступни прилипли к бетону, пальцы сжаты, не могу пошевелить ими. Колени — скованы. Руки — прижаты к телу. Слизь обволакивает плечи, грудь, живот. Она тянется к шее, к лицу.

Не вижу. Не слышу. Только чувствую.

Холодная, липкая, живая. Она заполняет пространство вокруг меня. Я не знаю, стою я или лежу. Не чувствую опоры под ногами — только слизь. Она держит меня. Обнимает. Сжимает.

Пытаюсь вдохнуть — и чувствую, как она касается губ. Скользкая, влажная. Она заполняет рот. Язык касается её — холодной, гладкой. Сладковатый, металлический привкус.

Дёргаюсь. Пытаюсь вырваться. Не могу. Ничего не могу.

Слизь поднимается выше. Заполняет нос. Чувствую, как она проникает в ноздри, холодная, скользкая. Не могу дышать. Не могу вдохнуть. Паника взрывается в груди. Она заполняет меня, вытесняет воздух, вытесняет страх, вытесняет всё.

Рот открывается в беззвучном крике. Хочу закричать — но не могу. Только беззвучный хрип, только открытый рот, только язык, который пытается вытолкнуть её.

Глаза закатываются. Не вижу. Только чувствую. Слизь внутри меня. Она заполняет лёгкие, сжимается вокруг рёбер, проникает в каждую клетку. Холодная, влажная, живая. Она становится мной. Я становлюсь ею.

Последняя мысль — о ней. О моём лице, смотрящем на меня из темноты. О моих глазах, которые смотрели в мои. О том, кто она. И кто я.

Провал.

Тьма. Только тьма. И чувство — как будто я таю. Растворяюсь. Становлюсь частью этой слизи, этой тьмы, этой станции.

Сознание гаснет.

Глава 19. Всплытие

Сознание возвращается медленно. Сначала — звук. Низкий, ровный гул. Он вибрирует где-то внутри, в костях, в позвоночнике. Знакомый. Успокаивающий. Гул станции. Нет. Другой. Более глубокий. Более ровный.

Открываю глаза. Свет — тусклый, голубоватый. Потолок. Металлический, с едва заметными швами. Я смотрю на них, и они не плывут. Они ровные, чёткие. Я могу сфокусироваться.

Я в капсуле.

Сажусь в кресло. Пристёгнутая. Ткань под пальцами — мягкая, тёплая. Чувствую её спиной, бёдрами, руками, которые касаются подлокотников. Всё тело — оно ноет, гудит, как будто я долго лежала без движения. Но я здесь. Я жива.

Смотрю на панель управления. Экран горит. Строки. Текст. "Система готова к запуску. Питание в норме." Зелёные индикаторы. Все.

Не помню, как я оказалась здесь. Не помню, как включила питание. Не помню, как села в кресло. Последнее, что помню — лицо. Моё лицо. Мои глаза, смотрящие на меня из темноты. И слизь. Холодная, скользкая, обволакивающая.

Моргаю. Смотрю на свои руки. Чистые. Без слизи. Без грязи. Пальцы сжимаются и разжимаются. Чувствую каждое движение. Я здесь. Я в капсуле. Я готова.

На экране — обратный отсчёт. Десять, девять, восемь...

Вдыхаю. Глубоко. Воздух свежий, с привкусом озона. Чувствую, как он наполняет лёгкие, как разливается по телу теплом.

Семь, шесть, пять...

Гул нарастает. Капсула начинает вибрировать. Чувствую это — через кресло, через пол, через ремни, сжимающие плечи. Вибрация проходит сквозь тело, отдаётся в костях, в позвоночнике. Знакомая. Успокаивающая.

Четыре, три, два...

Закрываю глаза. Слышу, как капсула отсоединяется от станции. Щелчок. Потом — толчок. Рывок, который вжимает меня в кресло. Чувствую давление на плечи, на бёдра, на грудь. Капсула движется. Она летит. Вверх. К поверхности.

Один.

Открываю глаза. Смотрю в иллюминатор. Там — темнота. Глубокая, густая. Но я знаю — там, наверху, свет. Там, наверху, свобода.

Капсула поднимается. Вода за иллюминатором — тёмная, густая, но я вижу, как она светлеет. Становится прозрачнее. Где-то там, далеко, мерцают огни. Маленькие, далёкие. Как звёзды.

Прижимаюсь лбом к прохладному стеклу. Чувствую его холод — он успокаивает. Смотрю в воду, и она смотрит в меня. Но теперь — я не боюсь. Я плыву. Я ухожу. Я оставляю станцию позади.

Слышу, как капсула пробивает поверхность. Всплеск. Свет — яркий, белый, заливает иллюминатор. Жмурюсь. Моргаю. Открываю глаза.

Небо. Голубое. Бесконечное. Облака — белые, пушистые, плывут где-то далеко. Вода вокруг — синяя, прозрачная. Свет солнца касается лица, рук, плеч. Тёплый. Живой. Настоящий.

Сажусь в кресле. Пристёгнутая. Смотрю на небо. И чувствую, как внутри что-то тает. Комок, который был сжат в груди, в горле, в животе — он начинает исчезать. Таять под лучами солнца.

Я на поверхности. Я выбралась. Я жива.

Закрываю глаза. Вдыхаю. Воздух — свежий, солёный, пахнет морем. Чувствую его на губах, на языке, в лёгких. Он заполняет меня. Он очищает.

И в этом свете, в этом тепле, в этом бесконечном небе — я просто есть. Я дышу. Я чувствую. Я живу.

Глава 20. Возвращение

Свет. Тёплый, золотистый, струится сквозь полупрозрачные шторы, касается лица, рук, плеч. Я моргаю. Медленно. Веки — тяжёлые, влажные. Чувствую, как ресницы слиплись от пота.

Я на диване.

Мягком, глубоком, обтянутом тканью, которая помнит тепло моего тела. Чувствую её под спиной, под бёдрами, под руками, которые лежат на подлокотниках. Она нежная, тёплая, почти живая. Пальцы касаются её, и она отзывается лёгкой вибрацией — датчики считывают пульс, дыхание, напряжение.

Снимаю шлем. Медленно. Пальцы находят застёжку, нажимают. Слышу тихий щелчок. Шлем отходит от лица, и воздух касается кожи — прохладный, с лёгким ароматом цветов. Вдыхаю — и чувствую, как он наполняет лёгкие. Домашний. Знакомый. Безопасный.

Провожу пальцами по лицу. Кожа влажная, горячая. Легкая испарина покрывает лоб, виски, шею. Чувствую, как капли пота стекают по вискам, по щекам, по шее. Они тёплые, солёные. Я вытираю их пальцами — они скользят по коже, оставляя мокрые дорожки.

Шлем в руках. Тяжёлый, гладкий, с едва заметными линиями, которые переливаются в свете. Смотрю на него. На своё отражение в тёмном стекле — бледное, взволнованное, с красными веками, с растрёпанными волосами, прилипшими к вискам.

Кладу шлем на колени. Чувствую его тяжесть. Он всё ещё тёплый от соприкосновения с кожей. Провожу пальцами по поверхности — гладкой, прохладной. Она вибрирует, успокаивается, затихает.

Оглядываюсь.

Комната. Светлая, просторная. Стены — пастельные, с живыми панелями, на которых растут растения. Они тянутся к свету, и их листья мягко колышутся в потоке воздуха. За окном — город. Мегapolis. Небоскрёбы, уходящие в небо, обвитые зеленью. Они сверкают в лучах заходящего солнца. Голограммы танцуют на фасадах, создавая причудливые узоры. Внизу — парки, сады, плавные линии транспортных магистралей.

Мой дом. Мой мир.

Прислоняюсь головой к спинке дивана. Закрываю глаза. Чувствую, как тело постепенно расслабляется. Мышцы — они всё ещё помнят напряжение, страх, бег. Но здесь, на этом диване, в этом мягком свете, они отпускают. Медленно, нехотя, но отпускают.

Провожу руками по телу. По плечам, по груди, по животу. Комбинезон — лёгкий, домашний, из тонкой, дышащей ткани. Он облегает тело, повторяет каждый изгиб. Чувствую его прикосновение к коже — оно успокаивает, возвращает в реальность.

Влажность. Я вся влажная. Лёгкий пот покрывает кожу, делая её гладкой, блестящей. Провожу пальцами по рукам — они скользят по влажной коже, оставляя дорожки. Чувствую, как воздух касается её — прохладный, свежий. Мурашки пробегают по спине.

Смотрю в окно. На мегаполис. На бесконечный поток жизни, который течёт там, за стеклом. На свет, который струится сквозь листву, сквозь стекло, сквозь воздух.

Вдыхаю. Выдыхаю.

Это было так реально. Страх, боль, отчаяние — они всё ещё здесь. Они оставили след в теле, в сознании, в каждой клетке. Но теперь — это просто воспоминание. Игра. Погружение. Пробуждение осязания.

Закрываю глаза. Чувствую, как сердце постепенно замедляется. Как дыхание становится ровнее. Как тело тает в мягкой ткани дивана.

Я дома. Я в безопасности. Я жива.

Открываю глаза и смотрю на шлем. На своё отражение в его тёмном стекле. И улыбаюсь. Устало, но легко. Потому что знаю — этот страх остался там. А я — здесь. В этом тёплом свете, в этом мягком диване, в этом городе, который ждёт меня за окном.

Провожу пальцами по стеклу шлема. Чувствую его прохладу. И шепчу:

— Всё хорошо. Я вернулась.